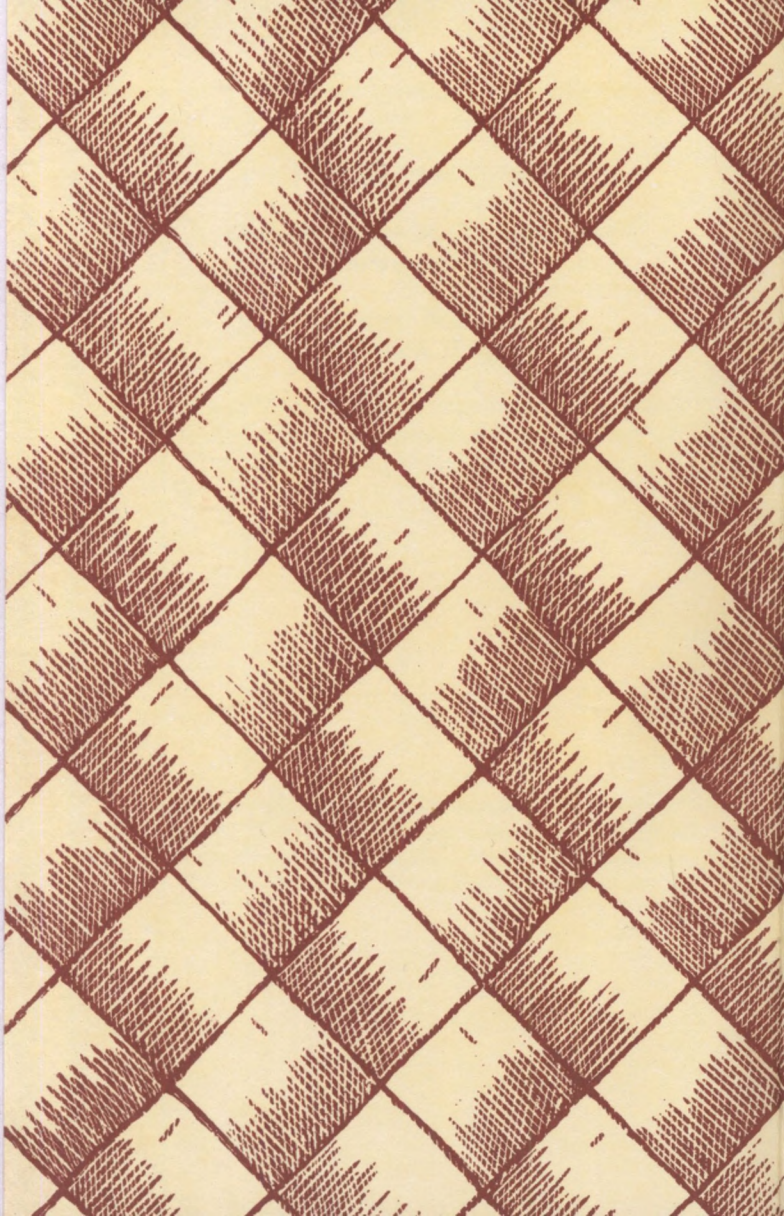

✦ Думнока пч ✦ Дерево с окунцем ✦

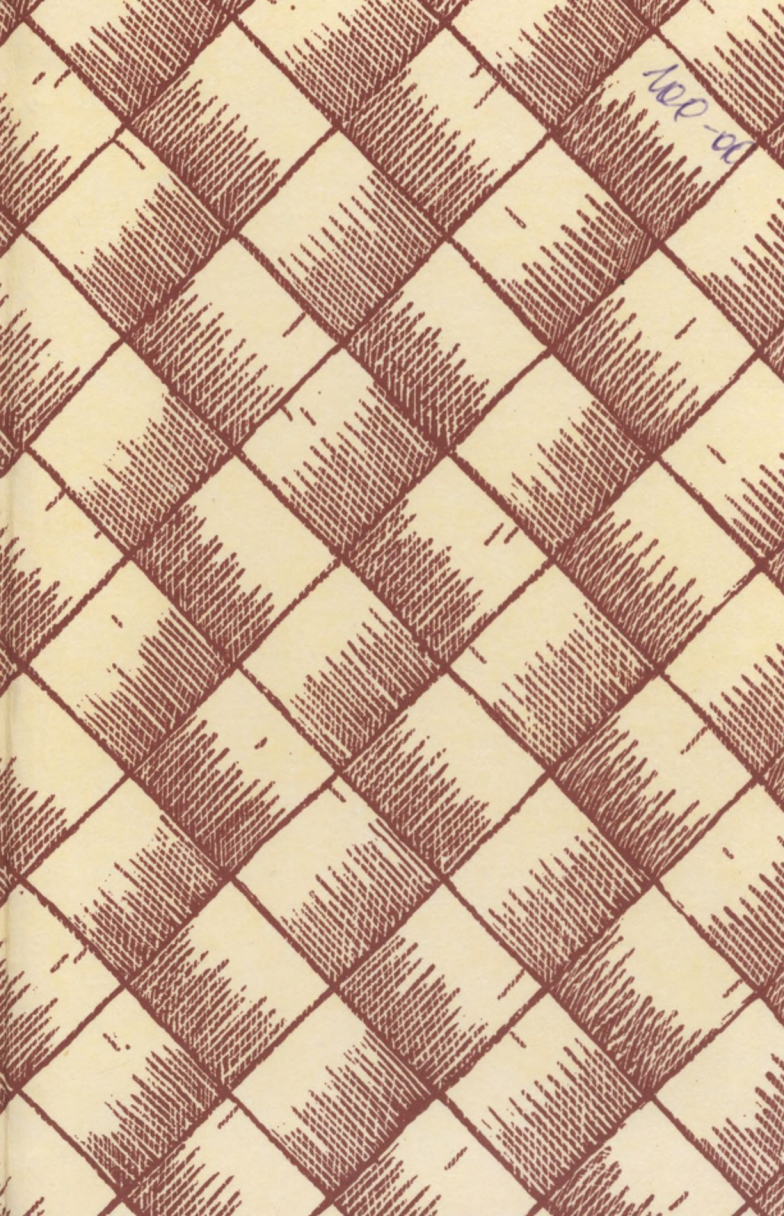
Думнока
ТМ

Дерево
с
окунцем

100-00

Өшүнока
пу

Фылез-
бөбөтчөм мез

Кудымкар
2003

Дерево
соконцем

Были —
небылицы

Кудымкар
2003

ББК 84.2 (2 Рос-К-П)

Д 36

**Запись, обработка, перевод на русский язык
и составление В. Климова**

Редактор В. КокOLEVA

Художник А. Мошев

Книга издана за счет средств Управления культуры администрации Коми-Пермяцкого автономного округа и Департамента культуры и искусства администрации Пермской области.

Д 36 **Дерево с оконцем: Были-небылицы на коми-пермяцком и русском языках / Сост. В. Климов. — Пермь: ООО «Алекс-Пресс» — 2003. — С. 160. : ил.**

В книгу собраны были-небылицы, анекдоты — короткие сказки — представляющие различные комические случаи из жизни, передаваемые от поколения поколению в устной форме и являющиеся частицей народно-поэтического творчества.

Книга адресована широкому кругу читателей.

К $\frac{470201026-61}{P5(03)-2003}$ Без объявл. ББК 84.2 (2 Рос-К-П)

© Составление. Климов В. В., Кудымкар, 2003.

© ООО «Алекс-Пресс», г. Пермь, 2003.

© Оформление. Мошев А. В., Кудымкар, 2003.

БЫЛЛЕЗ-БӨБӨТЧӨММЕЗ...

Эттишом терминис страсть бура лөсялө серөмсора сказкаэз дынө, көдна пырөны эта книгаө. Ния өддөён неёткодьөсь асланыс тема сьөрті, но ныын төдчө өткодь лэчыт социальнөй визь, көть и өтökkес чужисө важся-важ кадө, а мөдökkес — не сідз ылө кольөм годдэзө. И быдөннысө нийө лөсьөтис отир, ныын — уна увтырлөн вөрд-дума, поверьёэз, олан мог.

Быллес-бөбөтчөммес паськыта олөны коми-пермяккес коласын. Только оз позь шуны, что ния быдөнныс шогмисө миянын: сэттишөмкодь сказкаэсө төдөны и Россияись мөдökk йөзззз. Но унажык сказкаэзын, көдна пырисө эта книгаө, төдчө коми-пермяклөн олөм, сьлөн ассяма изобразительнөй средствоэз, освевья колорит.

Сказкаэс нач простөйөсь композиция сьөрті: дженытик пондөтчөм, етша кыла сёрни, учөтик, мукөдпыр өтökk кыла, пом-иган. Нылөн эм и мөдökk аскодь тор — смешнөй история, мый аркмө бөбөтчөмсянь, ылөтчөмсянь, лөк орсөмсянь нето кинкө вылын сералөмсянь.

Герөйес — эма да эмтөм морт, барин да мужик, поп да строшнөй, солдат да «кузь киа» детинка, асныра гозья, ылөстөм жөничок, надз кума, орсөтчись солдатка.

Но эна серөмсора висьтассэс — йөз историяись торок, көркөся оланись приметаэз. А важ оланись — миян ловлөн чужанін.

В. Климов

БЫЛИ-НЕБЫЛИЦЫ...

Этот термин как нельзя лучше подходит к помещенным в этой книге сатирическим сказкам. Они сильно разнятся по тематике, но имеют одинаково острую социальную направленность, хотя одни из них родились в незапамятные времена, а другие сложились в недалеком прошлом. И все они созданы народом, в них — думы, поверья, обычаи многих поколений.

Были-небылицы широко бытуют среди коми-пермяков. Однако это не значит, что все они возникли в нашем крае: сходные сюжеты небылиц известны и другим народам России. Но в большинстве сказок, включенных в эту книгу, заметны сугубо местные сюжеты или мотивы, своеобразные изобразительные средства, особый колорит.

Сказки просты по своему строению: короткий зачин, немногословный диалог и сжатая, порой с односложной репликой, концовка. Характерная черта — комическая ситуация, которая возникает в результате ловкой проделки, хитрости, злой шутки, чудачества или насмешки.

Герои — богатый и бедный, барин и мужик, поп и работник, солдат и воришка, упрямые старики, глупый жених, скупая кума, дурашливая солдатка.

Но и эти шуточные сказочки — частица истории самобытного народа, приметы его прошлой жизни. А прошлое — истоки нашей духовности.

В. Климов

Кыз Овдя пиканалис

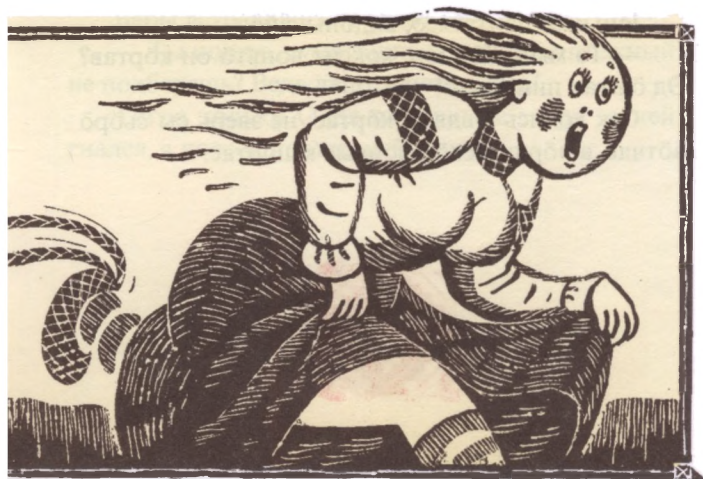
Мунас Овдя пиканавны логгезö: сэтчин пиканнэс ёнёсь да кыз кокаось — пинь увтын ярскöтöны.

Нетшкöвтас сiя пикан-мöд, кылö: бöрас кинкö кышöтö. «Ой, тэллинас ош шаркötö! — повзяс инька. — Сiя эд кутас менö!» — и пышшас логсис.

Петас Овдя логсис, пипуаинöt мунö, а зверьыс, кылö, бöрсяняс вötчö. Эшö öддьöнжык повзяс Овдя и ножö котöртны, ножö котöртны.

А ошыс сы бöрсянь!

Котöртö инька и бöрас дзар оз кер. Сiдз и локтас деревняс, öтик пиканжуг сьöрас оз вай.

Как Овдя пиканы собирала

Пошла Овдя в лога за вкусной травой, за пиканами: там они сочные да ядреные — на зубах хрустят. Сорвала она пару-другую, вдруг — шум за спиной. «Ой, в кустах медведь шебуршит! — испугалась баба. — Он ведь поймает меня!» — И вон из лога.

Выбралась Овдя из лога, осинником пошла, а зверь, слышит, за ней идет. Еще сильнее испугалась Овдя и давай бежать, давай бежать. А зверь за ней!

Бежит бедная баба, оглянуться не смеет. Так и прибежала в деревню, ни одного пикана не принесла.

Инькаэз пантасясö, видöны сійö:

— Тэ мый, бöб юр, коксит воньтö он кöртав?
Эд öштан нинкöмтö!

Сэк вöлись Овдя вежöртас: не зверь сы сьöрö
вöтчас, а пöрччассьöм воньыс кышöтас.

Бабы встретились, ругают ее:

— Ты пошто, суматошная, поясок лаптежный не подберешь? Ведь лапоть потеряешь!

Тогда только Овдя поняла: не зверь за ней гнался, а поясок лаптежный шаркал.

Öшис чер

Старик мунö вөр пөрөтны: босьтис кеписсез, босьтис павжун да табак, доддясис, вөрзьөтис вөвсö:

— Ны, Савраско!

И сэтчö тöдвылас усис, что черсö вунöтис босьтны.

— Тпру, Савраско!

Пырис посöдзö черла. А черыс местаас абу.

«Может, песвидзанö коли?»

Видзötас — абу.

«Может, амбарö пыртi?»

Видзötис — абу жö.

Пропал топор

Старик собрался лес валить: взял обед, взял рукавицы и курево, запряг лошадку, понужнул:

— Но, Савраска!

И вспомнил, что забыл взять топор.

— Тпру, Савраска!

Оставил лошадь, пошел за топором. А его нет на месте.

«Может, в дровянике оставил?»

Посмотрел — нету.

«Может, в амбар занес?»

Посмотрел — тоже нету.

«Может, в овине оставил?»

«Может, өвин пытшкө коли?»

Ветліс өвинө — и сэтчин абу.

«А-а, ме сійө турун зород бокө коли».

Вашөтіс вөвсө видз вылө, кытись төн турун вай-ис, но и сэтчинись эз адззы черсө. И зород боксө чувйис, и ывтіжык кошшисис — абу и абу!

«Натьтө, Марпажугө бөра вөрөтіс да мөділаө пуктіс...»

Кайис видз вылісь гортас, пырис керкуө. Лөгсяняс синнэзсис би чеччө, ачыс ряксө:

— Марпа! Черсө тэ вөрөтін, нөштөм куль?!

Марпа пыксьө:

— Эг ме, старик, вөрөт.

— Дак кытчө инө лоис?

Старуха шынньөвтис да шуис:

— Ноко, кос сайтө малышт, абу я сэтчин?

Малыштис старикыт коссө — черыс кушак саяс!

Вот мокасьыт!

Слазил в овин — и там не оказалось его.

«Ага, я его возле стога оставил».

Поехал на луг, откуда вчера сено возил, но топора и там не было. У самого стога и подальше порылся — нет и нет!

«Ведь Марфа опять брала и забросила куда-то!»

Вернулся с лугов, зашел в избу. От злости искры из глаз, раскричался:

— Марфа! Топор мой брала, образина?

Марфа отрицает:

— Нет, старый, я не трогала.

— Так где же он?

Старуха усмехнулась:

— Ну-ка, за спиной пощупай — не там ли?

Пощупал старик — топор-то за поясом! Вот так штука!

Зимогор

Тійо эд кывлө, мый вöлі öтпыр аркмöма? Дак кывзö, ме висьтася.

Уджалас ассис сроксö зимогор Кама дорын и кыссьö жагöник гортас. Öтик деревняын сійö рытыс вöтас, и зимогорлö ковяся квартира кошшыны. Адззö: дорись керку дынас морт пукалö, вот и юасьö сылсь:

— А мый, бытшöм морт, оз я туй тиян деревняын узыны?

Морт сылö висьталö:

— Кöть кытчö пыр, узынытö сё ни лэдзасö. Только миян панытö эн пыр: сэтöн олöны мужик

Зимогор

Вы не слышали, что в нашей пермяцкой стороне однажды случилось? Так слушайте, я расскажу.

Отработал зимогор свой срок на Каме и не спеша домой пробирался. В какой-то деревне его ночь застала, пришлось ему ночлег искать. Видит: у крайней избы человек сидит. Зимогор и спрашивает:

— А что, добрый человек, нельзя ли в вашей деревне переночевать?

Человек ему отвечает:

— Куда хочешь заходи, переспать всякий пустит. Только в дом напротив не ходи: там муж и жена

гозья, ния өддьөн надзось и некинös узыны оз лэдзö.

— Ноко, ме ветла сэтчин, — шуас зимогор да пырас мортыс сосед ордö.

Пырас, лабич вылö ыбös дорокас пуксьыштас и корсьö:

— Лэдзит бы тийö, бытшöм отир, мыдзöм коккез шоччöтыштны, пöрись коскаэз шонтыштны, а ме ыджыт спасибо висьталі бы.

Надз гозья сэтөн жö откажитны пондасö, но кызд только шыасясö, зимогор кир-пар чöвтчас, пöрччасяс да полатьö каяс и вöлись шуас:

— Спасибо, бытшöммез, спасибо!

Думайтöны мужик гозья, что зимогорыс умöля кылö, и ыксöны сылö пель одзас:

— Ми ог лэдзалö узиссесö, мун мöдиклаö корсьы!

А зимогор паныт:

— Перина, шуат босьтны? Оз ков, нем оз ков меным, öтик пась тырмас, — и босьтас да шебрасяс хозяиныс тулупөн.

Адззöны: воть и воть оз кыв узисьыс, и дугдасö сійö вöрöтны.

Ашынас мужик эшö пемытөн уджавны мунас, а иньсö тшöктас узисьыслісь деньга босьтны.

Вот и гор ни колö лонтны, сёян пуны-пöжны, но полö инькаыс — эд узисьыс саймас да сёйны пондас корны.

Видзчисяс-керас надз хозяйка, көр зимогорыс саймас да мунас, а сія сё саркйö-узьö, и лонтас горсö: ась пö узьö, ме пö сы коста шаньгаэз пöжала да дзеба ылöжык.

живут, они очень скупые, ночевать никого не пускают.

— Ну-ка, я к ним наведуясь, попрошусь, — сказал зимогор и завернул к соседям.

Зашел зимогор в избу, присел на лавочку у самой двери и говорит:

— Дали бы, добрые люди, усталым ногам отдохнуть, старым костям погреться, большое спасибо сказал бы я вам.

Хозяева тут же отнекиваться стали, а зимогор в один миг разделся, лапти скинул, на полати забрался и оттуда благодарит хозяев:

— Спасибо, добрые, спасибо!

Думают хозяева, что зимогор глухой, и кричат:

— Не принимаем мы ночлежников, к другим иди!

А зимогор в ответ:

— Перинку, говорите, взять? Не надо, ничего мне не надо, одной шубы хватит, — и накрылся хозяйским тулупом.

Поверили, что зимогор ничего не слышит, и оставили его в покое.

Утром хозяин затемно на работу ушел, а жене наказал, чтоб с ночлежника деньги взяла.

Хозяйке надо бы печь затопить, поесть приготовить, да боится она: зимогор проснется и есть запросит.

Ждала, ждала жадная хозяйка, когда зимогор проснется и уйдет, но не дождалась и затопила печь — пусть, мол, спит, а я-де шанежек напеку да спрячу их подальше.

Пӱжасясӱ шаньгазс, пондас дзимлясьны инька-
ыт. А зимогор сэтчӱ чеччас, кӱмасыс-пасытасыс кур-
ни-верни и лӱсьӱтчас мунны бытьтӱ. Инькаыт сы
дынӱ:

— Деньга вешты да вӱлись мун!

А зимогорлӱ сӱя только и колӱ:

— Шаньгазс, шуан? Позяс и сӱйыштны.

Пуксяс зимогор сӱйны, пӱттӱдз лотошитас, хо-
зьякалӱ спасибо висыталас да мунас аслас туй кузя.

Испекла шаньги и стала в избе прибираться. Зимогор в это время проснулся, оделся, обулся наспех и как будто уходить собирается. Хозяйка ему:

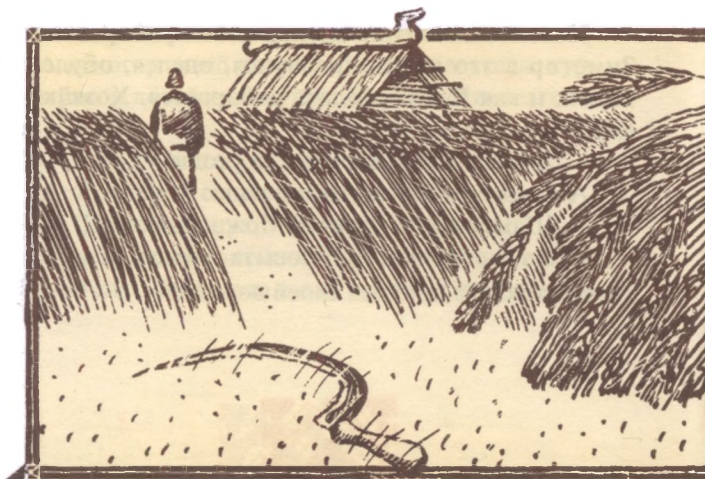
— Денежки заплати и тогда уходи!

А зимогору только того и надо:

— Шанежки, говоришь? Можно поесть.

Сел зимогор за стол, досыта наелся, хозяйке спасибо сказал и пошел своей дорогой.

Дыш Олѐнка

Олѐма, олѐма Олѐнка да и жѐник сайѐ петѐма.
А жѐникыс иньдас сийѐ вундыны. Олѐнка вундас
невна, а сыбѐрын лунтыр бороздаын узяс. Локтас
гортас, жѐникыс юалѐ:

— Мымда нѐ вундін?

Олѐнка и шуѐ:

— Торок тай вундыштї.

Мѐдик лунѐ бѐра каяс рудзѐг вундыны. Кѐрта-
лас кынымкѐ кольта и вѐлись лунтыр узяс. Лѐдз-
час гортас, жѐникыс юалѐ:

— Уна я вундін?

Олѐнка шуѐ:

Ленивая Оленушка

Жила, жила Оленушка да и вышла замуж. Вот как-то муж послал ее рожь жать. Оленушка поработала немного, а после целый день в борозденке проспала. Пришла домой, муж спрашивает:

— Сколько сжала?

Оленушка ответила:

— Одну полоску.

На другой день Оленушка снова пошла рожь жать. Связала несколько снопов и опять проспала весь день. Пришла домой, муж спрашивает:

— Сколько сегодня сжала?

Оленушка ответила:

— Быдса тор вунді.

Куимѳт лунас жѳникыс каяс сѳбрсянас да караулитас.

Кѳр Олѳнка водас, жѳникыс шырас сылсь юрсисѳ да чужѳмсѳ саѳн кѳс мавтас. Саймас Олѳнка, думайтѳ: «Мый эттшѳмыс? Менам вѳлісѳ чикиссез, и вѳлі ме сѳстѳм. Этѳ, натътѳ, не ме».

Лѳдзчас гортас, сувтас ѳшын увтас да юалѳ:

— Иван, тѳ гортын?

— Гортын, — шуас Иван.

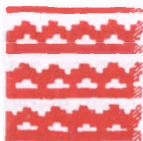
— А Олѳнкаыс?

— Гортын жѳ.

«Тыдалѳ, ме былись не Олѳнкаыс», — решитас иньыс.

Сійѳн сорѳн и чапкас гортсѳ.

Вот кыз дышкульсѳ жѳникыс велѳтас.

— Целую полоску.

На третий день муж отправился в поле следом за женой и подкараулил ее. Когда Оленушка уснула, он остриг у нее волосы, а лицо сажей вымазал.

Проснулась Оленушка и никак не поймет: «Что такое? У меня были косы, и была я чистая. Наверное, это не я».

Пришла домой, встала под окном и спрашивает:

— Иван, ты дома?

— Дома, — отвечает муж.

— А Оленушка-то?

— Тоже дома.

И решила она: «Видно, я в самом деле не Оленушка». И ушла совсем.

Вот так муж проучил свою ленивую жену.

Вежсьом-пансьом

Ветлас мужик бурлачитны. Бура я, умöля я уджалас, а шедтас стеклянной сапоггез. Мунö гортас, а сылö пантасяс прак, и мужик сапоггесö вöв вылö вежас, а сэсся кызд ви кузя нильдас: вöвсö вежас мöс вылö, мöссö — баля вылö, балясö — дзодзог вылö, дзодзогсö — кань вылö, а каньсö — сьöктан вылö...

Локтас гортас, иньыс юалö:

— Но, кöзьяин, кытөн вöлин, мый адззылин?

— Вöли ме Корезаын: куим год нин кули да нинкöммез кыйи, эта понда меным стеклянной сапоггез сетисö.

Мена

Ходил мужик на заработки. Хорошо ли, худо ли работал, а заработал стеклянные сапоги. Понес он их домой, да в дороге меновщика повстречал и сапоги променял на лошадь. А потом как по маслу покатилося: лошадь променял на корову, корову — на овцу, овцу — на гуся, гуся — на кошку, кошку — на кочедык...

Пришел домой, жена спрашивает:

— Где ты, хозяин, был, что видел?

— Был я в Корезе, три года лыко драл да лапти плел, за это мне дали стеклянные сапоги.

Бросилась хозяйка закуток мыть.

- Кутчас иньыс комсö миськавны.
 — Мыйлö миськалан, инька?
 — Медбы сапоггесö сувтöтны.
 — Дак ме сапоггесö вöв вылö вежи.
 Котöртас иньыс вöв гид весötны.
 — Мыйлö весötан, инька?
 — А медбы вöвсö сэтчин сувтöтны.
 — Дак ме сийö мöс вылö вежи.
 Котöртас иньыс мöс гид весötны.
 — Мыйлö весötан, инька?
 — Медбы мöссö видзны сэтöн.
 — Дак ме сийö баля вылö вежи.
 Котöртас иньыс баля гид весötны.
 — Мыйлö весötан, инька?
 — Медбы балясö сэтöн видзны.
 — Дак ме сийö дзодзог вылö вежи.
 Кутчас иньыс дзодзог поз лöсьötны.
 — Мыйлö лöсьötан?
 — Медбы дзодзогсö видзны.
 — Дак ме сийö кань вылö вежи.
 Пондас иньыс кань доз керны.
 — Мыйлö керан, инька?
 — Медбы каньсö вердны.
 — Дак ме сы туйö сьöктан босьтi.
 Пондас иньыс бырöм нинкöммез ваявны кер-
 куас.
 — Мыйлö нийö пыртлан?
 — Вочны пондам.
 — Дак ме сьöктаннас ёкыш кольтьö шупки.
 Котöртас иньыс гор лонтны.
 — Мыйлö горсö лонтан, инька?

- Зачем моешь, жена?
— Чтобы сапоги поставить.
— А я сапоги променял на лошадь.
Бросилась хозяйка конюшню чистить.
— Зачем чистишь, жена?
— Чтобы лошадь поставить.
— А я ее променял на корову.
Бросилась хозяйка в коровнике убирать.
— Зачем убираешь, жена?
— Чтобы корову́ держать.
— А я ее на овцу променял.
Бросилась хозяйка во хлеве отгораживать.
— Зачем отгораживаешь, жена?
— Чтобы овцу держать.
— А я ее на гуся променял.
Бросилась хозяйка для гуся место ладить.
— Зачем ладишь, жена?
— Чтобы гуся держать.
— А я его променял на кошку.
Стала хозяйка плошку долбить.
— Зачем долбишь, жена?
— Чтобы кошку кормить.
— А я ее на кочедык променял.
Давай хозяйка худые лапти в избу таскать.
— Зачем таскаешь, жена?
— Починять будем.
— А я кочедык в икринку окуня метнул.
Бросилась хозяйка печь растоплять.
— Зачем печь растопила, жена?
— Окуневую икринку варить.
— А я ведь в окуня-то не попал!

— Ёкыш кольть пуны.

— А ме эд ёкыш кольтяс эг инмы.

— А ме инма,— шуас инькаыс да жвангас жөн-
никыслö гormöччанöн.

Сідз сылö и колö: эн гудырт сөдз васö.

— А я попаду, — сказала жена да огрела
муженька кочергой.

И поделом: не мути чистую воду!

«Ёгортан-курөтан...»

Ыстасө кызкө зонкаөс Ёгортан кузнец ордө жыгала корны, көдөн куран юрө осьтаэз писькөт-лөны.

Мунө зонка и, мед не вунөтны, мыйла ыстисө, модьө аслыс:

— Куран юр пырөтан, куран юр пырөтан...

Пантасьө старик, юалө:

— Кытчө, зонка, тэрмасын?

— Пырөтанла иньдисө, — шуө зонка.

Мунө одзлань, тэрмасьө да шочыника куран пырөтансө касьтывлө. Но вот вунөтас, кыз колө пырөтансө шуны, и вильмоз модьө:

«Ковалей для граблей...»

Однажды послали парня к кузнецу Егортану за жигалом, которым прожигают отверстия для зубьев в граблях.

Идет парень и, чтобы не забыть, за чем послали, бормочет себе под нос:

— Для граблей жигало, для граблей жигало...

Повстречался ему старик, спрашивает:

— Куда, парень, торопишься?

— За жигалом послали, — ответил парень.

Идет дальше. Забыв про жигало, бормочет:

— Жигалей для граблей, жигалей для граблей...

— Курөтан пырөтан, курөтан пырөтан...

Пантасьö старуха:

— Кытчö, зону, котöртан?

— Кузнец ордö, — висьталö зонка и ачыс куимöтнëж ни пондö зильны: — ёгортан курөтан, ёгортан курөтан...

Локтас Ёгортаннэзас да сідз и корас:

— Меным ёгортан-курөтан колö.

Оз вежöртö сійö Ёгортанас, бөр иньдöтасö гортас да тшöктасö бытшöмика юасьны, мый колö.

Зонка котрасяс гортас и бöра кузнец ордö котöртö.

А кин пантасьö, дак сійö öнi ывтi ни орддьö.

Котöртас, котöртас да чаг ёгö инмас и уяс. И сэтчö бöра вунöтас, мыйла иньдöтисö.

Вот и ветлötö ёг чукöрыс гөгөр да юрбöрсö гыжьялö, вунötöm кывсö кошшö... А сэтчö мужик инмас, и охота сылö тöдны, мый детинайт кошшö.

— Тэ мый эстөн керан? — юалö сылсь мужик.

— Кошша, — шуö зонкаыс.

— Кытчö уськötин?

— Этчö...

Мужик думайтас, что серебрушка öштисö, и тожö пондас кошшыны.

Мунас боки дед, казялас: кошшисьöны мыйкö! — и давай ёгсö кизнас менöвтны-сорлавны.

Лэдзчас вала инька, казялас кошшиссесö да горötчас:

— Тійö бы куранön...

— Вот, вот — куран! — радувьяс горötчас зонкаыс да уськötчас котöртны Ёгортанö.

Повстречалась старуха:

— Куда, сынок, бежишь?

— К ковалю, — ответил парень и побежал дальше, продолжая бормотать: — ковалей для граблей, ковалей для граблей...

Прибежал парень в кузницу и говорит:

— Мне надо ковалей для граблей.

Не понял его кузнец Егортан, обратно домой послал и велел как следует узнать, что надо.

Сбегал парень домой и опять понесся к Егортану.

Налетел на кучу щепья, упал и снова забыл, зачем его послали.

Вот и ходит вокруг щепья да в затылке почесывает, потерянное слово ищет.

Поблизости мужик оказался, интересно стало ему узнать, что это за парень тут вертится и, чего он потерял.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает мужик.

— Ищу, — отвечает парень.

— Где уронил?

— Здесь...

Мужик решил, что парень серебришку потерял, и тоже начал искать.

Шел мимо старик, увидел: что-то ищут! — и давай щепную кучу руками разгребать.

Женщина шла за водой, посоветовала:

— Вы бы не руками, а граблями...

— Вот, вот — грабли! — закричал парень от радости и понесся к Егортану.

Мужик со стариком подумали, что парень за

Мужик да дед думайтасӧ, что зонкаыс куранла муніс, да эшӧ ӧддӧнжык кутчасӧ тэрмасьны — ась пӧ котрасьӧ, мийӧ сы коста адззамӧ серебрушкасӧ, дак миянлӧ кыкыслӧ унажыкӧн дӧнзяс.

граблями побежал, и еще усерднее стали перетряхивать щепье — пусть, мол, парень носится, мы в это время найдем серебрушку, так двоим-то поболее достанется.

Асныррез

Оласö-вöласö да кадсö чулötасö пöрись гозья.
Öтiк асылö ния пуасö похлëбка, сёйыштасö сийö
да етшасьны кутчасö — кинлö чугунсö миськавны.

Мыдзтöдз споритасö — некöда оз вермö. Сэк
старик шуас:

— Давай, старуха, вот кыз керамö: водамö узы-
ны, а кин медодз саймас да шыасяс — сылö и мись-
кавны.

Старуха согласитчас, и ния водасö узыны. Вот
и бытшöм.

Лун чулалас, рыт локтас, а ния куйлöны да
чöлöны, дзик чуркаэз.

Упрямые

Жили-были да время коротали старик со старухой.

Однажды рано утром сварили они похлебку, поели и заспорили: кому чугунок мыть. Спорили, спорили — никто никого не переспорил. Тогда старик предложил:

— Давай, старуха, ляжем спать, а кто первый проснется и заговорит — тому и посуду мыть.

Старуха согласилась, легли они спать. Вот и славно.

День прошел, вечер наступил, а старик со старухой на полатах лежат и молчат, словно чурки.

Соседдэзныс повзясö: эз я мыйкö умöль шогмы? Локтасö ны ордö — некин оз тыдав, некин оз кыв. Полатьö видзöтасö, а старик гозья сэтчин куйлöны. Кытсаласö — оз и шыасьö.

— Кулöмась, — шуасö отирыс да попöс вайöтасö. Поп локтас, юрбитас кулöммес понда и бөр мунас. А старик да старуха, кöть и асьныс повзясö ни, сё куйлöны, оз и вөрöтчö.

Вот и ой локтас, а пöриссес оз чеччö. Вдруг кылöны: кинкö гусьöник керкуас пырö. Осьтасö синнэзнысö, видзöтасö: куим морт петкöтлöны паськöм. Öтпыр петкöтасö, мöдпыр — чөлöны пöриссес. Куимöтпырсяс пож да быгрöтчан босьтасö. Сэк старухаыт и горöтас:

— Эд вөрöтö быгрöтчансö!

Старик шуас:

— Старуха, миськав чугунсö!

Соседи забеспокоились: не случилось ли что? Пришли в дом — никого не видно, ничего не слышно. Посмотрели на полаты, а старики там лежат. Позвали — не откликаются.

— Преставились старые, — решили соседи и позвали попа.

Пришел поп, помолился за души усопших, и все ушли. А старик со старухой, хоть и страшно — лежат — не шевелятся.

Вот и ночь наступила, а они пластом лежат. Вдруг слышат — кто-то тихонечко в дом зашел. Приоткрыли глаза — видят: три мужика имущество выносят. Раз вынесли, второй раз — молчат старые. Третий раз зашли, сито со скалкой взяли. Старуха-то и крикнула:

— Не трогайте скалку!

Старик сказал:

— Старуха, вымой чугунок.

Богатой корасись

Локтис мено корасьны богатой зонка, и айо юалис менчим:

— Мунан, Пена, сы сайо?

А кывлі ни: беднойисло богатойискот умоля овсё. И висьтали:

— Муна, ежели узяс это ойсо неолан керкуас.

Жених петух моз сорсё лэбтыштіс:

— А мыля бы не узьны?!

Но, сидз, мыся, и керам.

Лонти мод керкусис гор, ештоти. А воли ырощ керны, ме сийо сысьяли да гор вылас шоммотны пукти.

Богатый сватовщик

Меня стал сватать богатый жених, и отец спросил:

— Выйдешь ли за него, Пена?

А знала уже: бедной за богатым плохо живется. И сказала отцу:

— Выйду, если он эту ночь переспит в нежилой избе.

Жених хорохорится, как петух с большим гребешком:

— А почему бы и не переспать?

Ну, так и быть, говорю.

Затопила в нежилой избе печь, замесила бражно

Повтõм зонкалõ рытнас висъталі:

— Кõр пемдас, мунан мõд керкуас узыны. Ме тэныт полатяс ольсася.

Ачым сысса одзжык джоджулас пыри да видз-
чися, мый лоас.

Зонка локтіс, кайис полатьõ да чожа мыйись
баитны пондіс:

— Эн пышкайт, ог пов!

Этõ ырõшыс шõммõ да сильõtõ, а сїя суседкоõс
думайтõ.

Куйлыштас да бõра и шуõ:

— Ог пов, мыся! Ог пов! Весь повзьõtчан!

Ачыс полать дорас вешшõ.

Ырõшыс пондõ õддьõнжык пышкайтны, и сїя
горõtõ:

— Ог пов! Ог пов! Ог пов!

Ачыс гõбечын ни, улõ лэдзчыны лõсьõtчõ.

А гõбечас ме каб пуктылі, сїя кабсõ улõ тойыштіс
да мый вын горõtõ:

— Эн камõt, ог пов!

Ачыс чеччõвтїс джоджас да — ыбõсõ!

Ме петї джоджувсис, игнаси бõрсяняс да шуи:

— Но, сваабог!

на квас, в печь поставила. Потом мешанину процедила и поставила корчагу с квасом на печку.

Вечером храбрецу сказала:

— Как стемнеет, пойдешь спать. Я постелю на полатах.

Сама загодя в подполье спряталась, жду, что будет.

Пришел жених, полез на полаты и скоро заговорил:

— Не пыхай, не боюсь.

Это квас киснет, попыхивает, а он думает — домовой.

Помолчал немного и снова забормотал:

— Не боюсь, говорю! Не боюсь, зря пугаешь!

А сам к краю полатей ползет.

Квас запыхтел сильнее, и жених на крик перешел:

— Не боюсь! Не боюсь! Не боюсь!

А сам уже на голбец сошел, вниз начал спускаться. А на голбце я колодку положила, он столкнул ее на пол и заорал:

— Не стучи, не боюсь!

А сам спрыгнул на пол да — в двери!

Я вышла из подполья, закрыла за ним двери, сказала:

— Ну, слава Богу!

Коми поп да роч поп

Өтік вичкуын служитомась кык поп — роч да коми.

Роч поп роч молитваез сьылö, комиыс — комиöсь.

Сьылöны не öтмоза, а деньгасö юкöны öтмым-даөн.

Но коми поп и норасьö:

— Ме унажык и горөнжык сьыла, меным унажык деньга колö сетны.

Мöдыс шуö:

— Тэ и лыддьöтны он куж, дак кытшöм тэныт унажык? Менö йöзыс буржыка донтöны.

Поп-пермяк и русский поп

В одном приходе два попа были — русский и пермяк.

Русский поп по-русски служил, а пермяк — по-пермяцки.

Служат на разных языках, а доходы поровну делят.

Но пермяк обижается:

— Я больше и громче пою, мне полагается денег больше.

Другой отвечает:

— Ты и читать-то не можешь, так почему тебе больше? Меня прихожане больше уважают.

Коми поп паныт:

— Вай керам сідз: мунам деревняэзот славитны да гӱснечсӱ торйӱн пондам ӱктыны. Видзӱтам сзк, кинлӱ унажык сеталасӱ.

Вот мунасӱ, керкуись керкуӱ ветлӱтӱны.

Роч поп сьылӱ:

— Господи Иисусе Христе, слава Тебе, слава!..

Коми поп сьылӱ:

— Господи Сусе, меным сетӱ сюсӱ да вурунсӱ, а рочыслӱ умӱлик турунсӱ!..

Рочыслӱ удыштасӱ ырӱш да няньторрез мыччасӱ, а комилӱ быдкодь гӱснеч сетасӱ да тагья сурӱн юкталасӱ.

Джын деревнясӱ ветлӱтасӱ, видзӱтӱны: роч поплӱн гӱснеч новйӱтисъыс нем абу ӱктӱма, а комилӱн котомаыс тырӱ ни.

Но вот коми поп коддзас да мӱднӱж пондас сьывны:

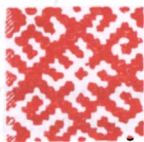
— Господи Сусе, рочыслӱ сетӱ сюсӱ и вурунсӱ, а меным — туру-унсӱ-ӱ!

Роч поп сьылӱ отсалӱ:

— Слава тебе, коми поп, сла-ава, твоя молитва в точку попа-ала-а!

И роч поп гӱснечсӱ кыкись унажык ӱктас.

Сзксянь коми поп дугдас юкасьны.

Пермяк предлагает:

— Давай сделаем так: пойдем славить Бога и сбор будем отдельно класть. Посмотрим, кому больше дадут.

Вот пошли славить, по домам ходят.

Русский поп поет:

— Господи Иисусе Христе, слава тебе, сла-а-ва-а!..

Пермяк поет:

— Господи Сусе, мне шерсти и жита подносите, а русскому — сорняки-те!

Русского попа квасиной угостят да хлебец подадут, а пермяку хмельное пиво да всякие гостинцы поднесут.

Полдеревни обошли, смотрят: сборщик русского попа чуть-чуть набрал, а у пермяка подаяний полмешка.

Но вот поп-пермяк опьянел и запел иначе:

— Господи Сусе, русскому шерсти и жита подносите, а мне — одни сорняки-те!

Русский поп ему подпевает:

— Слава тебе, коми поп, сла-а-ва-а, твоя молитва в точку попа-а-ла-а!

После этого русский поп собрал подаяний вдвое больше, чем поп-пермяк.

С того дня поп-пермяк перестал обижаться.

Мөдiк Кудымкар

Отпыр мунасö кудымкарса Дзуздинö нянь кошшыны. Гортсиныс петасö сёрнöv да Верх-Иньваэс гөгöрын нийö ойыс и вöтас.

Корясö кудымкарса мужик ордö узьны. Вöввесö картаö сувтötасö, а доддесö öтöрас колясö. А сэтön котрасясö деревенскöй зонкаэз, и решитасö ния сералыштны муниссес вылын: доддесö оглобляэзнас Кудымкарлань бергötасö.

Югдандорас кудымкарса саймасö, доддясö да мунасö одзлань.

Час мунöны, кыкö мунöны — ю пантасьö.

— Кытшöм эта ю сэтшöмыс? — юасьöны

Второй Кудымкар

Однажды поехали кудымкарцы в Зюзино за хлебом. Выехали из дому поздновато, и где-то в верховьях Иньвы застала их ночь.

Попросились кудымкарцы к мужику на ночлег. Распрягли лошадей, поставили их в конюшню, а сани оставили на улице. А по улице гуляли парни, и решили они подшутить над приезжими. Взяли и повернули сани в обратную сторону.

На рассвете кудымкарцы запрягли лошадей и поехали дальше. Час едут, два едут — встречается река.

— Что это за река такая? — спрашивают у про-

отирлсь. — Ровно тай тӧдса.

Нылӧ висьталӧны:

— Эта Иньва.

— А деревняыс кытшӧм?

— Кудымкар, — шуӧны.

А кудымкарса дивуйтчӧны:

— Эта дырна ни олам чочком светас, а эг на кывлӧ, что Кудымкаррес кыка.

Пырасӧ Кудымкарас, ас коласаныс баитӧны:

— Не я миян эта посадным?

— Эн дбруньгы, зонка! Мӧдӧк лун ни мунам, кысь миян лоас?

— А не миян я иннезным васӧ кайӧтлӧны?

— Эн ни баит, зонка: миян и эмӧсь тай!

хожих. — Вроде бы знакомая.

Им говорят:

— Это Иньва.

— А деревня какая?

— Кудымкар.

А кудымкарцы диву даются:

— Сколько лет на белом свете живем, а не слы-
хивали про второй Кудымкар!

Заехали в Кудымкар, меж собой толкуют:

— Не наше ли это село?

— Не говори, парень! Уж другой день едем, от-
куль наше-то будет?

— А не наши ли бабы по воду идут?

— Не говори, парень, как есть наши!

Өшынока пу

Эта туй кузя мөдөрвса пыр ветлывлісө нин да бан кульны. И вдруг сэк, көр пондіс кульсыны нин баныс, туй дорись пу вылын оссис өшынок, а өшынокас пондісө тыдавын чужөммез.

Медодз этө казяліс Ёська дед. Муніс, муніс сія, а чукуляс тюк пантасис өшынокыскөт. Ой-йой, мый эта сэтшөмыс?! Сибөтчис, дзар керыштіс өшынокас, а сэтчин — сьөд тоша, шар сина да осьта өма рожа! Да эта, поди, ачыс вөрдядыс сэтөн вөйсасьө!

Шөри повзис Ёська, деревняс котөртіс, отирөс корис.

Дерево с оконцем

По этой дороге зареченцы всегда ходили по лыко и бересту. И вдруг в ту самую пору, когда легко отдирается лыко и береста, на придорожном дереве появилось оконце, а в оконце какие-то лица.

Первым это заметил старик Ёська. Шел он, шел, а на повороте натолкнулся на окошечко. Ой ли, что же это такое?! Подошел, глянул несмело в оконце, а там чернобородая, шароглазая и полоротая рожа! Да это, поди, сам лешак из окна выглядывает!

Перепугался Ёська, побежал в деревню, народ созвал. Пошли к лесу, крадучись подошли к дереву

Бѳра кайисѳ вѳр дорас, гусьѳник сибѳтчисѳ ѳшынока пу дынас. Видзѳтыштѳс ѳшынокас дзор старик, кѳдалѳ и вѳрдядыс нем туйѳ, висьталѳс:

— Кинкѳ ѳддьѳн тѳдса сѳтчн пукалѳ, а эг вермы тѳдны. Не я ѳбьешшикыс нин-бансѳ дозоритѳ, медбы мийѳ эг кульѳ сийѳ?

Видзѳтѳс ѳшынокас мѳдик морт, эз понды некинѳс кывзыны:

— Тийѳ мый! ѳбьешшикыс чочком, а сѳтчн сьѳд чуд пукалѳ!

Видзѳтѳс куимѳт, дзорсялѳм дед:

— Этѳ ѳбьешшик, челядь! Эд мунѳ вѳрас, кутас!

А мѳдѳровса нин-бан вылѳ билеттѳсѳ некѳр абу неблѳмась, и, мед эз сюрѳ штрафуйтны, чапкасѳ вѳрас ветлыны.

Но и пессьѳмась сѳя тѳлѳ нинкѳмтѳг! А сѳ зеркалотор кузя, кѳдѳ кинкѳ ѳшѳтѳма туй чукуляс.

с оконцем. Глянул в него седой старик, которому сам черт нипочем, проговорил:

— Кто-то очень знакомый там сидит, а не могу признать-то. Не лесной ли объездчик лыко караулит, чтоб мы его не драли?

Заглянул в оконце другой, не согласился со стариком.

— Вы что! Объездчик светловолосый, а здесь черный чуд сидит!

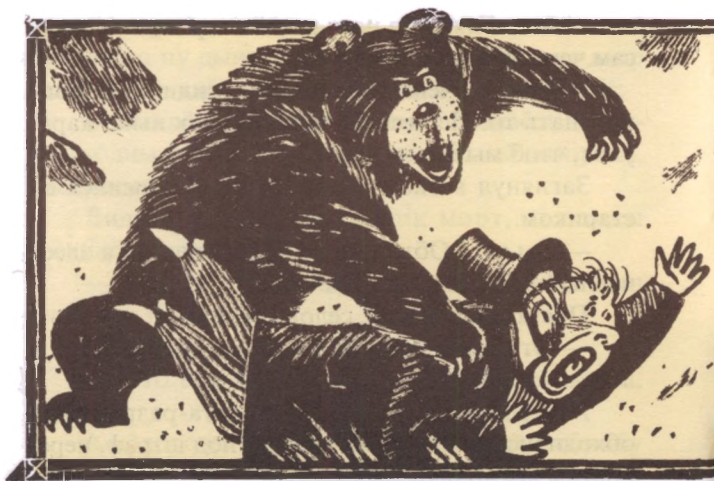
Посмотрел третий, седой старик:

— Это объездчик, робята! Не ходите ноне в лес — словит.

А зареченцы всегда без билета-разрешения обходились и, чтобы не угодить под штраф, перестали в лес ходить, лыко драть.

Ох, и измаялись они в ту зиму без обуви! А все из-за зеркальца, которое кто-то приладил к дереву.

Опонь да барин

Кызкө вöрын Опонь казялас көчöс. Пукалö көчыс, пеллезнас вөрöтö, повзьём синнэзнас вöралісьыс вылö видзöтö. А Опоньлö колö аслыс сёйны и семьясö вердны — и лыяс.

Только ештас лыйны да көчсö босьтны, кызд сы одзö барин сувтас. Кутас сія Опоньсö моросöt-тяс, треситö и горötлö:

— Кызд тэ лысьтан менам вöрын вöравны? Эта вöрыс, зверьыс и пötкаыс — быдöс менам! Ме тэнö тюрмаö суйышта!

Кеймисьö вöралісь бариныслö:

— Простит менö, батюшко барин, ме эд толь-

Опонь и барин

Однажды Опонь в лесу увидел зайца. Сидит заяц, ушами шевелит, испуганными глазами на охотника смотрит. А Опоню есть надо да семью кормить.

Только успел выстрелить да зайца подобрать, как перед ним оказался барин. Схватил он Опоня за грудь, трясет и кричит:

— Как ты смеешь охотиться в моем лесу? Ведь этот лес, звери и птицы — все мое! Я тебя в тюрьму упрячу!

Просит охотник у барина прощенья:

— Прости меня, ведь зайца, а не медведя я убил.

ко кӧчӧс вийи, не ошӧс.

— Да кӧбы тэ ошсӧ вийин, дак ме тэнӧ бы век
кеж каторгаӧ иньдӧ! — горӧтӧ барин.

— Ог, ог, батюшко барин! Ме кӧ ошсӧ аслам
вӧв вылісь казяла, и то ог вий.

Эз простит барин. Опонь пукалас кӧч понда
куим год тюрмаын. А кыз петас сэтчинись, бӧра
босьтас пишальсӧ да мунас вӧравны.

Ӧтпыр кылас Опонь нӧштӧм горӧтлӧм. Бер-
гӧтчас, адззӧ: ыджыт ош баринсӧ монлалӧ. Сэтӧн
и пондас кеймисьны шӧри повзӧм бариньыс:

— Опонь, дона менам, лый, лый ошас, эн сет
менӧ вийны!

А Опонь шуӧ:

— Ог лысьт ме ошыс кузя лыйны. Тэ менӧ сы
пондаись каторгаын сисьтан.

— Бур морт, кеймися тэныт, тэрмась, лый чож-
жыка.

Опонь только кинас макнитас, шуас:

— Не, ог ме лый ошас! Кыз жӧ ме верма лый-
ны, эд вӧрыс, и зверьыс, и кайыс — быдӧс тэнат,
баринлӧн, — висьталас вӧрались и мунас аслас туй
кузя.

А мый лоис бариньскӧт, некин тай оз тӧд...

— Да если бы ты медведя убил, я тебя навечно сослал бы на каторгу! — кричит барин.

— Нет, нет, батюшка барин, если застану медведя даже на спине своей лошади, и то не стану убивать.

Не простил барин. Просидел мужик за зайца три года в тюрьме. А как из тюрьмы вышел, снова за ружье взялся и в лес пошел.

Однажды услышал Опонь истошный крик. Оглянулся и увидел: огромный медведь на барина напал. Тут и взмолился испуганный барин:

— Опонь, дорогой человек, стреляй, стреляй в медведя, спаси меня от смерти!

А Опонь спокойно отвечает:

— Не смею я в медведя стрелять, ты за это меня на каторгу пошлешь.

— Добрый человек, прошу тебя, стреляй, поторопись!

Опонь только рукой махнул:

— Нет, не выстрелю я в медведя! Как же я буду стрелять, ведь лес, звери и птицы — все твое, барское, — сказал и пошел своей дорогой.

А что случилось с барином, никто и не знает...

Некывзись сапоггез

Иньва дорас кучиковой кӧмкӧтсӧ одзжык абу и тӧдлӧмась — сӧ нинкӧм да нинкӧм. А ӧтик мужик мӧдас новйыны сапоггез. Вот небас сӧ сапоггесӧ, ваяс гортас, а кӧмавнытӧ оз куж. Иньыс велӧтӧ сӧйӧ:

- Тэ лабичсянь нӧйӧ кӧмав.
- Кыдз лабичсяняс?
- Ме лӧсьӧта сапоггесӧ, а тэ чеччӧвт — вот и кӧмалан.

Каяс мужик лабич вылӧ да чеччӧвтас бы сапоггезас, но оз инмы да джоджас уяс. Мӧдпырся чеччӧвтас — бӧра брякнитчис.

Непослушные сапоги

О кожаной обуви на Иньве раньше не слышали — все лапти да лапти носили. А одному мужику захотелось в сапогах пофорсить. Вот купил он сапоги, принес домой, а обуть их не может. Жена попыталась ему помочь:

— Ты с лавки сапоги обувай.

— Как это с лавки-то?

— Я их тебе подставлю, а ты прыгай — вот и обуешь.

Мужик встал на лавку и — прыг в сапоги, но промахнулся и на пол упал. Другой раз прыгнул — опять на полу оказался. Только расшибся, а

Ёна и доймас, а оз вермы не ыждавны:

— Тэ сапоггесö умöля видзан, не коккезö весьтö лöсьöтан!

А иньыс паныт:

— Ме бура видза, этö тэнат коккет чукыляёсь!
Пондыв гөбечсянь чеччöвтны.

Мужик чеччöвтас гөбечсянь. И сідз ни бура бы инмөтчас, а сё бокö! Сапоггесö бöра оз вермы кöмавны. Пуксяс джоджас и давай сэтөн курыт синваз кисьтны. Воть оз тöд, мый сэсса керны.

Кылас горзöмсö йöз морт, пырас да юасьö:

— Мыйись синватö кисьтан?

Мужик паныт:

— Да вот неби сапоггез, а кöмавны ог вермы. И лабичсянь, и гөбечсянь чеччалі — нем эз пет. Ковсяс вузавны, кытчöдз эг вийсьы.

Тöдтöм морт жалейтас мужиксö да мыччалас, кыз колö сапоггесö кöмавны.

Öддьөн ни эд умöль, он куж дак!

в сапоги не попал. Только начал он корить жену:

— Ты плохо сапоги держишь, не под ноги ставишь!

А жена в ответ:

— Я держу сапоги как надо, это ноги у тебя кривые! Попробуй-ка с голбца.

Мужик прыгнул с голбца. И, кажется, нацелился, а все мимо! Сапоги обуть опять не удалось. Сел он на пол и давай горькие слезы лить.

Услыхал плач прохожий, зашел в дом, спросил:

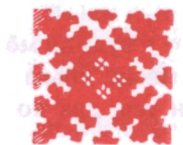
— Почему слезы льешь?

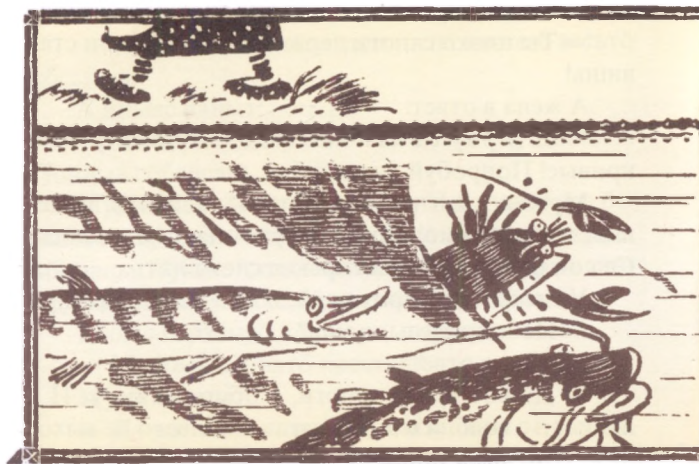
Мужик в ответ:

— Да вот купил сапоги, а обуть не могу. И с лавки, и с голбца в них прыгал — ничего не выходит. Придется продать, пока сам совсем не разбился.

Прохожий пожалел мужика и научил его сапоги обувать. Оказалось все очень просто.

Беда плохо, когда не умеешь!

Потя да Потика

Потялө колөма вуджны ю сайё, а пыжыс абу.
Мыйон вуджны пыдын ва саяс?

— Пуксы, — шуё иньыс, — кер вылас, а ме
керсё тойышта. Вот и вуджан мөдөрас.

— Уся кө кер вывсис, инька? — полё Потя.

— А медбы эн усь, дак коккетё кер бердас
көрталамө.

— Көртав.

Сідз и керасё.

Чөвтчас Потя, медбы паськөмсё не вадны, во-
жасяс кер вылас, воннезнас кер бердас көртасяс.
Потика иньдөтас сійё ва шөрас. Сэтчин керыс бер-

Потя и Потиха

Поте нужно было перебраться через реку, а лодки не было. На чем перебраться?

— Садись, — посоветовала жена, — на бревно, а я его толкну, вот и переберешься на ту сторону.

— А если упаду, жена, с бревна-то? — боится Потя.

— А чтоб не падал, ноги-то к бревну привяжем.

— Давай.

Так и сделали.

Разделся Потя, чтоб одежду не замочить, взобрался на бревно, поясками лаптей ноги к бревну привязал. Потиха толкнула бревно на середину

гөтчас мөд бок вылас, и Потя сунгисяс-юрнас ва
пытшкас, а коккес вевдöрас лэбтисясö.

— Вот ёрдём лов! — видчö Потика жöникыс
коккес вылö видзöттөн. — Эз на ешты мөдöрас
вуджны, а нинкёммесö косьтö ни.

реки. Бревно-то перевернулось, и голова Поти оказалась в воде, одни ноги торчат.

— Вот, проклятая душа! — ругается Потиха. — Не успел еще реку переплыть, а лапти уж сушит.

Көмкөт ылы бөбасис

Ветлөтис Иван чочком свет кузяс кушөн, дзик гөнтөм кай, только бановой сапогтез сылөн вөлісө: эд быдыс төдө, что беднойыслөн нем абу, а богатойыслөн берсяыс тыр.

Отпыр Иван панталас богатой мужикос, кода ен порозос нуотас. И решитас бөбөтны богатойсө.

Петас сия туй вылас да чапкас от коксис сапогсө. Сыбөрын муныштас чукыль сайөдз да мөд сапогсө коляс.

Богатойыс адззас сапогсө да босьтас сийө и пондас мөдсө кошшыны. Но мөдыс абу, и чапкас сапогсө. Муныштас невна и адззас мөдсө. Думайтө:

Позарился на обутки

Ходил Иван по свету гол как сокол, лишь берестяные сапоги-обутки имел: известно, что у бедных ничего нет, а у богатых всего много.

Однажды Иван встретил богатого, который быка за собой вел. И решил Иван за счет богатого поживиться.

Выбежал на дорогу и сбросил с ноги сапог. Потом подальше прошел и за поворотом другой сапог сбросил.

Богатый нашел первый сапог, поднял его и стал второй искать. Но второго не увидел и бросил сапог. Прошел немного и нашел второй сапог.

«Бурёсь сапоггес, ковяс босьтны». И бертас бөр, а порозсё пу бердö кёрталас.

Иван только этö и видзчисяс.

Порозсё сiя сэтөн начкылас, юрсö орöтас. Тушасö вөрö кыскас, а юрсö ваö чапкас. Ачыс пуксяс куштэзö да пукалö, видзöтö, мый лоас.

Вот локтас богатöй сiя местаöдз, кытчö порозсö колис. Адззö: порозыс ваын сулалö, только юрыс тыдалö. Пондас мужик корны сiйö. Пороз оз и вөрзётчы.

Лөгасяс богатей:

— Ак, лешаклөн пода!

Чöвтчас да пырас ваö, медбы порозсö вашöтны юсис. А Иван кватитас сылсь паськёмсö да и сылас местасис.

Подумал: «Добрые сапоги, надо взять». И вернулся обратно, а быка привязал к дереву.

А Иван только того и ждал.

Быка он тут же заколол, отсек ему голову, тушу затащил в лес, а голову бросил в реку. Сам сел в кусты и сидит, смотрит, что дальше будет.

Вот пришел богатый к тому месту, где быка оставил. Видит, бык в воде стоит, лишь голова торчит. Стал его подзывать, а бык не откликается. Мужик рассердился:

— Ах, лешачий выкормыш!

Разделся и вошел в воду, чтобы быка из реки выгнать. А Иван схватил одежду богатого — и был таков.

Кинкӧ мыргӧ

Керӧмась помечок — пес керавны. Мужиккес вӧрӧ каясӧ, а инь пӧлӧс пусьӧ да пӧжасьӧ, сур-ырӧш шӧммӧтӧ. Стряпайтӧны — деревняӧт чӧскыт дук ветлӧ. А кытӧн чӧскыт дук, сэтчӧ поп пырӧ тюк. Локтас батюшко, сылӧ туран брага удасӧ — ректас дозоксӧ.

Удасӧ сур — бокӧ оз жӧ кисьт.

Удасӧ аскур — сийӧ и ен шуӧм чурснитны.

А мывкыднас сия вӧлӧма сэтшӧм: кытӧн юрас сюрас, сэтчӧ и шӧммӧ.

Луньяс поп сэтӧн, ляп-ляп коддзас да вӧлись мунас.

Кто-то мяргает

Была устроена помочь — дрова рубить. Мужики поехали в лес, а девки-бабы остались варить да жарить, пиво-брагу томить. Стряпают — вокруг дома пряной дух ходит. А на такой дух у попа чутье — как у собаки нюх.

Зашел поп к стряпухам, ему подали томленку — выпил.

Подали пива — мимо рта не пронес.

Подали винца — его сам бог велел попробовать.

А была у попа такая привычка: где выпил, там и застрял.

Бертасö помечана, пырасö картаö, кылöны:
йики видзанын кинкö мыргö-нюргö. Видзöтасö:
некин оз тыдав, а мыргö и мыргö.

Кин бы сiя?

Öтiк шуö:

— Этö карта чуд.

Мöдiк шуö:

— Этö йики сорнас локтiс гуна чуд. Колö поп-
öс корны, ась вашöтас.

— Быль, попöс колö корны, попöс!

Сэтчö мыргисьыс и вөрзьöтчас да лэбтiяс.

Адзöны мужиккес: йикисис петö кытшöмкö
куль — и черрезнаныс луп-лоп кераласö. Кераласö
да вöлись казяласö, что мыргисьыс поп паськöма.

— Ой, не я батюшкосö кералiм? — шуöны. —

Ноко, видзöтам синбансö.

Видзöтасö — юрыс абу. А юрыстöг тöдан разь,
кин сiя.

Кыскасö мыргисьтö попадья дынö, юалöны:

— Эта миян батюшкоыс?

Попадья шуö:

— Паськöмыс тай сылөн.

— А юрыс öнтай вöли бердас?

— Көр гортiсь петiс, дак тошыс павьялiс, вöли
я юрыс — ог тöд.

Вот и засиделся он, совсем напился и ушел только под вечер.

Вернулись помочане, зашли во двор, слышат: в мякиннике кто-то мяргает. Кто бы это?

Один говорит:

— Это чуд — дворовая нечисть.

Другой говорит:

— Это с мякиной овинник прибился. Надо по па позвать, пусть выгонит.

— И верно, надо по па позвать!

Тут мяргун зашевелился и стал подниматься.

Видят мужики: из мякины вылезает какая-то нечисть — и зарубили ее топорами. Зарубили и тут только заметили, что нечисть одета в поповскую рясу.

— Ой, не наш ли батюшка зарублен? — говорят. — Ну-ка, лицо посмотрим.

Стали смотреть — головы нету. А без головы разве узнаешь, кто такой.

Потащили тело по па к попадье, спрашивают:

— Это — наш батюшка?

Попадьа говорит:

— Одежда его.

— А утром он с головой был?

— Когда из дому уходил, так борода моталась, а была ли голова — не помню.

Юкмөсын тэсь

Ылісь деревняись мужиккез ветласö базарö тэсь вузавны.

Лунтыр Кудымкарын оласö, а тэсьсö озö вузалö, сідз и мунасö бөр тыра доддезөн. А кынёмныс сідз бура сималö — мороспань пиньöвтö.

Вот ния лэдзчасö пруд дорас да юкмөс дынö инмасö.

— А мый, мужиккез, поди, керны тэсьсö юкмөсас да сёйыштны? — юалö öтік.

— Колö керны, колö, а то тшыгйөн куламö, — шуöны мөдіккес.

А кернытö дыр я! Кутісö да кисьтісö тэсьсö

Толокно в проруби

Мужики из дальней деревни приехали на базар толокном торговать. Весь день в Кудымкаре проторчали, а толокно не продали, с тем и поехали домой. Проголодались за день. Есть хотят, терпенья нету.

Вот выехали они на пруд и наткнулись на прорубь.

— А что, мужики, не замешать ли нам толокно в проруби да поесть? — спросил один.

— Надо, а то умрем с голоду, — поддержали другие мужики.

А долго ли замешать! Принесли мешок с

быдса мешок юкмөсас и плетьпуон сорлалоны. А тэсьыс сё кизер, мылякө оз сукмы.

— Унажык колө кисьтны, унажык! — вер-
масьёмон горөтлөны мужиккес.

Кисьтасө өтдруг куим мешок, сорлаласө, сор-
лаласө — сё кизерик.

— Мун жө пырав, Ваней, — тшөктөны мед-
томсө, — да видзөт, кытшөм кимось тэсьыскөт лоө.

Сунгисяс Ваней юкмөсас, только ва гаддез
бөрсяняс каясө: буль-буль-буль! А мужиккес кы-
лөны: бур, бур, бур!

— Адззыліт, кытөн бур тэсьыс, — шуоны му-
жиккес. — Ю пыдөсас! — И сьөрсьөн-бөрсьөн чеч-
чаласө юкмөсас. Только өтік, кда ылынжык
юкмөс дынсяняс вөлас, оз пыр йы увтас: одзиссес
пө, натьтө, быдөс ни сөйисө, нем ни эз кольө.

толокном, ухнули все из мешка и кнутовищем мешают. А густой толоконницы все не получается.

— Больше надо класть, больше! — кричат мужики наперебой.

Сразу три мешка опорожнили, мешали, мешали — все жидко.

Еще толокна подсыпали — ничего не добились.

— Слазь-ка, Ваней, — говорят самому молодому, — в прорубь да посмотри, какая морока с толокном-то вышла.

Нырнул Ваней в прорубь, только пузыри за ним пошли — буль-буль-буль! А мужикам слышится: бур-бур-бур! — хорошо, хорошо, хорошо!

— Видали, где хорошая толоконница! — сказали мужики. — На дне! — И друг за дружкой попрыгали в прорубь. Только один, который в стороне стоял, не прыгнул, подумал: мужики, наверное, все уже съели, ничего не оставили.

Гузи да Мези

Вөвлөма көркө деревня Оська, и сэтөн олөмась Гузи да Мези — мужик да инька. Кува ю дорас нылөн вөлөма гуна. Вот эта гунаыс и өзьяс өтик ойө.

Казяласө йөзыс бисө, ёркөтөны Гузи да Мези өшыннэзö:

— Гунаныт сотчө, кусөтны колө!

— Но-о, — дивуйтчө Гузи. — Ноко, видзөт, Мези, былъ я сотчө?

Чеччас Мези ольпасись, нёджжөвтас өшыно — Кува дорас би тыдалө — и шуас жөникыслө:

— Былъ тай сотчө!

Гузи и Мези

Была когда-то деревня Оська, и жили в ней Гузи и Мези — муж и жена. На Куве-реке у них стояло гумно. Вот это гумно и загорелось как-то ночью.

Увидели люди огонь, постучали в окно Гузи и Мези:

— Ваше гумно горит, тушить надо!

— Но-о, — удивляется Гузи. — Посмотри-ка, Мези, верно ли?

Мези встала с постели, смотрит в окно — над Кувой-рекой огонь полыхает — и говорит мужу:

— Горит как есть!

А Гузи:

А Гузи:

— Но-о, кусотны эд колас, натътö.

А Мези:

— Дак чеччы да мун!

— Вай вешьянöс, — корö Гузи, — сiя западня
весьтын öшалö.

Мези ветлас да ваяс вешьян.

— Вай нинкöммез, — корö Гузи.

Мези ваяс нинкöммез.

— Вай нямöттэз.

Мези ваяс нямöттэз.

Гузи жагвыв кöмасыс, пасьтасыс, петас öтöрö, а
сылö шуöны:

— Эн ни мун, Гузи, быдöс ни сотчыштіс.

— Но-о, — шуас Гузи да бöр пырас керкуас.

— Но-о... Тушить ведь надо, наверное.

А Мези:

— Так вставай да иди!

— Принеси штаны, — просит Гузи, — они над западной висят.

Мези сходила, принесла штаны.

— Принеси лапти, — просит Гузи.

Мези принесла лапти.

— Принеси портянки.

Мези принесла портянки.

Гузи не спеша обулся, оделся, вышел на улицу, а ему говорят:

— Не ходи уж, Гузи, все уже сгорело.

— Но-о, — сказал Гузи и обратно в избу зашел.

Енлөн козин

Кызкө өтік дөвалөн өшас дзодзог. Мунас дөва сійө кошшыны и адззас поп картаись.

— Тэ мыля нө, батюшко, — шуө дөва, — менчим дзодзогөс картаат йөртін?

Поп висьталө:

— Ме эг йөрт, сійө меным Еныс сетіс.

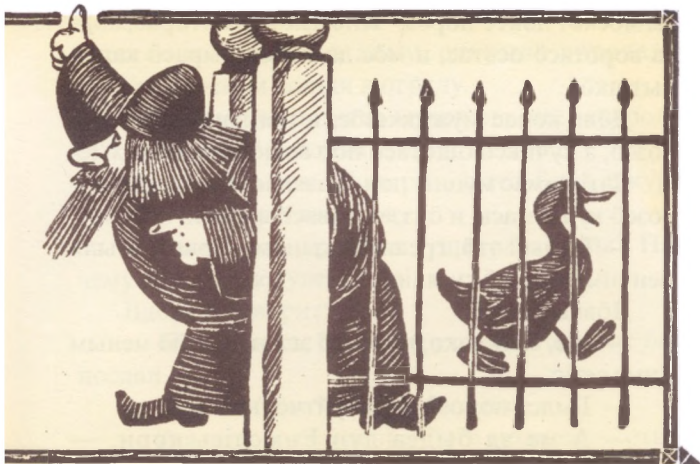
— Кыз инө сідз, батюшко? — юасьө дөваыс.

А поп сылө ответ видзө:

— Ме талун асывбыт Еныслісь кори: сет, мыся, Енөй, нимлун кежам яйтор — и сія, адззан, сетіс.

Сідз дөва и муніс гортас куш киззөн.

Лун я, кык я чулалас, дөва казялас кызкө, что

Божий дар

Как-то у вдовы потерялся гусь. Пошла вдова его искать и нашла у попа в ограде.

— Ты зачем это, батюшка, — спрашивает вдова, — моего гуся в свою ограду загнал?

— Я не загонял гуся, мне его Боженька послал.

— Как же так, батюшка? — выпытывает вдова. А поп ей в ответ:

— Я сегодня все утро Боженьку просил: пошли, говорю, Господь, к моим именинам мяса, он, видишь, послал.

Так вдова и ушла домой с пустыми руками. День ли, два ли прошло, только как-то вдова

сы мөскөт локтө пороз. Чепөссияс дөва өтөрас, карта воротасө осьтас, и мөс да пороз пырасө карта пытшкө.

Дөва корас мужиккезөс, и ния начкыласө порозсө, а кучиксө өшөтасө йөр вылө шурөтны.

Сэти инмас мунны поп. Казялас, что сылісь порозсө кульөмась, и өдззас дөвасө видны:

— Тэ мый этө, грешной кынөм, керин?! Мыля менчим порозсө гусялін?

Дөваыс шуө:

— Ме, батюшко, порозтө эг гусяв, сійө меным Еныс сетіс.

— Быдса пороз? — дивуйтчө поп.

— А ме эд быдса лун Еныслісь кори, — висьталіс дөва.

заметила, что рядом с ее коровой бык идет. Выскочила вдова из дому, открыла ворота, и корова с быком вошли в ограду.

Вдова тут же позвала мужиков, они закололи быка, а шкуру повесили сушить на жердь.

Идет мимо поп. Смотрит, с его быка шкура снята, и давай ругать вдову:

— Ты что это, грешная душа, натворила?! Почему моего быка увела?

Вдова и говорит:

— Я, батюшка, бычка не уводила, его мне Бог послал.

— Целого быка? — удивился поп.

— А я ведь целый день у Бога молила, — ответила вдова.

«Сідз сылө и колө!»

Көркө вөлөмась старик да старуха, олөмась
стрась умöля.

Öтпыр старикыс адззас ид тусь, сэтись старуха-
ыс пуас шьд. Пуксясö сейны, васö панялыштасö, а
тусьсö оз төдö, кьдз янсötны. Сэтчö лэбзяс гут да
тусьсö сёяс.

Старик да старуха ножö сы сьöрын вötлисьны
да горötлыны:

— Ак, тэ тыткин?! Виям срамös!

Старик кийн ухват, старуха кийн — нянь зыр.

Вötлисясö, вötлисясö, мыдзасö да пондасö шоч-
чисьны. Старик пукалө öт лабичас, старуха — мөд

«Так ей и надо!»

Когда-то жили старик со старухой, совсем бедные были.

Однажды старик нашел ячменное зернышко, старуха сварила из него суп — стали они есть, всю жидкость выхлебали, а как разделить зернышко — не знают. Налетела муха и съела зернышко.

Кинулись старики за ней, шумят:

— Ах, ты слопала?! Прикончим срамину!

В руках старика ухват, у старухи — хлебная лопата. Гонялись, гонялись они за мухой, устали от беготни и сели передохнуть. Старик на одной лавке сидит, старуха — на другой.

вылас. Сы пора гутыс пуксяс старикыс кымӧс вылӧ.
Старуха шваткас нянь зырнас гутыс кузя. Старик
чер-бар усяс джоджас да коккесӧ нюжӧтас.

Старуха повзяс, лэбтіяс ыксыны:

— Ой, вийи! Ой, вийи!

Старик кылас этӧ, садясяс да и шуӧ:

— Сідз сылӧ и колӧ, сэсся дугдас гусясьны!

Видит старуха: муха сидит на лбу старика, и хватать по мухе лопатой! Старик мешком рухнул на пол и ноги протянул.

Испугалась старуха, завопила:

— Ой, убила! Ой, убила!

Очнулся старик от старухиных воплей, промолвил:

— Так ей и надо, не будет воровать больше!

Ай, зоннэз да чань

Байтö кызкö мужик гортас челядыслö:

— Таво ар кежас чанёк босьтам, быдтыны пон-
дам, медбы вöвтöг не овны.

Кылас этö баснисö учötжык зоньыс и шуö:

— Вот вöлись ме сэк и гöняйта сы вылын!

— Не тэ, а ме гöняйта, — шуö мöд зоньыс.

— Не тэ, а ме! — оз сетчы учötжыкыс.

— Сэк кыкөн пуксям, — шуö мöдыс. — Ме
одзас, а тэ — бöрас.

Кылас этö айыс, кватитас ремень:

— Мый тi керат, а? Чегötат эд чаньыслiсь
коссö!

Отец, сыновья и жеребенок

Размечтался как-то мужик:

— Жеребеночка нонче к осени купим, растить будем.

Услыхал эти слова младший сын и говорит:

— Вот тогда я и погоняю на нем!

— Нет, я погоняю, — говорит второй сын.

— Нет, я, — не уступает первый.

— Тогда вдвоем на жеребенка сядем, — говорит второй. — Я спереди, а ты сзади.

Услыхал это отец, схватил ремень:

— Что вы делаете, а? Ведь переломите хребет у жеребенка!

Дзырыт пельняннез

Надз Ёнись ордё кызкё кумаыс пырас, а Ёнись как раз пельняннез пуома да пызан сайё лёсьётчё пуксыны.

— Няньсов тэныт, Ёнись кума! — шуё локтисыс.

— Лок нянь сёйны! — рочалас Ёнись.

Рочавнытё рочалас, а вёлись казялас, что не сідз горётчис, да мый ни керан!

А гёстяыт абу кужлём пыксыны, кёр рочалёны, и сэк жё шырк пызан сайё — дзырыт пельняннез дынё матёжык. Надз Ёнисьлё жальёсь пельняннез, сія и велётё кумасё:

Горячие пельмени

К скупой Онисье как-то кума зашла, а Онисья как раз пельмени сварила и за стол сесть собирается.

— Хлеб-соль тебе, кума Онисья! — говорит гостья.

— Иди мою хлеб-соль отведай! — пригласила Онисья.

Пригласить-то пригласила, а потом спохватилась, что не те слова молвила, да что поделать!

А гостюшка не умела отказываться, когда приглашают, и тут же — ширк за стол, к горячим пельмешкам поближе. Жалко пельмени скупой

— Дзырытӧлӧсь пельняннес, дак тэ нійӧ кык-
вывт, кума, кыквывт, сэк он сот ӧмтӧ.

Гӧстяйт вежӧртіс сідз, что сійӧ кык пельнянь-
ӧн ӧтдруг тшӧктӧны босътны, а не шӧри ӧтік-
сӧ янсӧтлыны, и сё кыкӧн да кыкӧн бытшкӧ.
А Ӧнись лӧгсяняс и шыасьны оз вермы.

Сідз ылӧстӧм кума быдӧс пельняннесӧ надз
Ӧнисьлісь и сёяс.

Онисье, вот она и учит куму:

— Очень уж горячи пельмешки-то, так ты их двои, кума, двои, тогда не обожжешься.

Гостья поняла так, что надо по два пельменя зараз брать, а не один пополам делить, и все по два да по два таскает. Онисья от злости слова сказать не может, молчит да злится.

Так непонятливая кума все пельмени у скупой Онисьи и съела.

Кеж, будичи!..

Эттшöмыс аркмöма төлөн. Ярмарка вывсянь локтö гортас старик. Сылөн кияс кузь бeдь, а мышкас — гырниччезөн котома. Мунас, мунас старикыг — рыгъявнас волок шөрöдз сибалас. А сэтөн, öтiк чукулёкын, шарк пантасяс чочком колпака морт.

Мый керны? Туйыс векнитик, а бокас лымыс пыдын. Кызди кежан да сибдан лымас — пантасись мортас товартö кокнита мырддяс.

Старик гышкöптас юр вывсис шапкасö, бeдь вылö кышалас да шуö:

— Мийö эд кыкөн, а тэ öтнат. Давай-ко кеж!

Посторонись, буди!..

Случилось это зимой. Домой с ярмарки возвращался старик. В руке у него длинная палка, а за спиной — котомка с горшками. Шел, шел старик да к вечеру до середины волока добрался. А тут на повороте неожиданно встретился ему человек в белом колпаке. Что делать? Дорожка узенькая, а по обочине — снег глубокий. А если в снегу застрянешь — весь товар встречный без труда отнимет.

Старик сдернул с головы шапку, поднял ее на палку да и говорит:

— Нас ведь двое, а ты один. Давай-ка сворачивай!

А пантасисъыс оз кеж.

— Кинлө шуоны — кеж, будичи! — тшөктө старикыт.

А мөдыс оз шыась, не оз кеж.

— Дак тэ сідз?! — лөгасяс старикыт да жвангас некывзись мортыс юр кузя гырничөн.

Гырничыс пач мунас, а мортыс оз и вөрззы.

Старик кыскас котомасис ыджытжык гырнич да бөра ковскас пантасисъыс юр кузя.

А пантасисъыс сулалө.

Старик сибөтчас матөжык, видзөтас буржыка — сэтөн кузь мыр сулалө, а йылас — лым шапка.

То тай-ка!

А встречный и не думает сворачивать.

— Кому говорят — посторонись, буди! —
требует старик.

А тот ни звука не подает и не сворачивает.

— Ах, ты так?! — рассердился старик и хлопнул непослушного по голове горшком.

Горшок разбился вдребезги, а человек даже не пошевелился.

Старик достал из котомки большой горшок да опять хлопнул встречного по голове. А тот не шевелится!

Подошел поближе старик, посмотрел хорошенько — длинный пень стоит, снегом присыпанный.

Вот пропасть!

Висьталіс думайтөмөн

Поп строшнөйкөт мунасө ярмарка вылө.

Батюшка ветлөтө да кошшисьө, мый босьтны,
а строшнөй котомасө бөрсняс новйөтө.

Вот поплө вөйөны мегыр, а сия оз неб (а гор-
тас умөлик мегырыс).

Вот вөйөны сермөт, а поп оз неб, көть горта-
ныс сермөтыс нач ни орлассьөм.

Вот вөйөны гужиэз (а гортас ния куш гөрөд).
Поп сувтчис, пешліс да висьталіс:

— Вай өтікө.

А строшнөй шуө:

— Мыля өтікө? Кыкө колө, батюшка!

Сказал подумавши

Поп с работником пошли на ярмарку.

Батюшка нужный ему товар высматривает, а работник котомку таскает.

Вот попу предлагают дугу, но он отказывается брать (а дома она никудышная).

Вот предлагают узду, а поп не берет, хотя в хозяйстве узда совсем рваная.

Вот предлагают гужи (а дома они вязаны-перевязаны). Поп пощупал товар, сказал:

— Давай один.

А работник подсказывает:

— Почему один? Пару надо, батюшка!

И вузасисъыс сійӧ жӧ тотӧ:

— Кыкӧ, батюшка, кыкӧ. А эшӧ буржык — куимӧ: куимсӧ и Еныс любитӧ.

Босьтіс поп кык гужи, а сыбӧрын и дӧвкис строшнӧйыслӧ:

— Эд мымда ни баиті тэныт: перво бура думайт да вӧлись горӧтчы!.. Мыйлӧ миянлӧ кык гужисӧ? Ӧтсӧ бы небим, а мӧдсӧ важжесис керим.

Строшнӧй винитчӧ:

— Казявтӧг кыв вывсим мезмис. Сэсса ог понды, батюшка.

Вот поп казяліс зыррез да бӧрйисъны пондіс:

— Эта учӧтӧв, эта ыджытӧв, а эта ныжӧв...

Сы коста сылісь гӧйтансӧ шпана орӧтіс да кӧшелӧксӧ пышшӧтіс. Кватитчис поп — деньга абу! Кытчӧ лоис? Строшнӧй шуӧ:

— Кӧшелӧктӧ шпанापиян гусяліс да этчин котӧртіс...

Уськӧтчис ӧтланьӧ, мӧдланьӧ — да кысь ни адззан.

Поп видчӧ:

— Бӧбӧв жӧ тэ вӧлӧмыт, строшнӧй! Адззылін, дак мыля нӧ сэк жӧ эн висътав?!

— А ме перво бура думайті.

И продавец подбивает попу:

— Пару, батюшка, пару. А лучше будет, если три: Бог троицу любит.

И купил батюшка пару гуж, а потом выговорил работнику:

— Уж сколько я твердил тебе: сперва хорошенько подумай, а потом скажи! Зачем нужна пара гуж? Купили бы один, а второй из старых собрали.

Работник извиняется:

— Случайно с языка сорвалось. Больше не буду, батюшка.

Вот поп увидел лопаты и начал перебирать их:

— Эта мала, эта велика, эта тупа...

В это время шпана срезала у попа шнур и увела кошелек с деньгами. Хватился батюшка — нет кошелька! Куда подевался?

Работник говорит:

— Его шпаненок украл.

Кинулись туда-сюда, да где его найдешь.

Поп ругает работника:

— Ну и дурень же ты! Если видел, что крадут, так почему не сказал?

— Я сперва хорошенько подумал.

Понтейлөн кузь лун

Оліс Понтей, надз да горш мужик. Уджавны эз радейт, быдос йөз киөн керис...

Воис рудзөг, колө вундыны. Вот и думайтө мужикыт, кыз бы вундөмнас чожжыка, но донтөмжыка бергөтчыны.

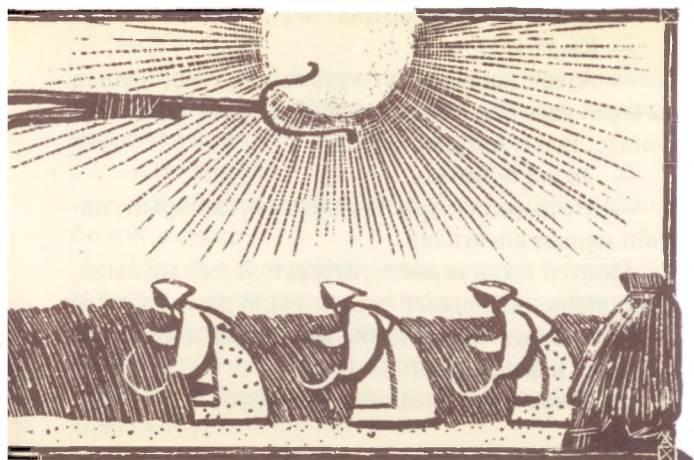
Мунө Понтей посадөт, вундөм йылісь думайтө. Паныт сьлө мужик:

— Мый нө юртө мышкыртін, Понтей?

— Да кыз он мышкырт? — шуис Понтей да висьталіс аслас шог йылісь.

— Но, этө шогтө позяс и орддыны.

— Көдөрөт?

Длинный день Понтея

Жил Понтей, скупой и жадный мужик. Работать не любил, все чужим трудом жил...

Поспела рожь, надо жать. Вот и задумался мужик, как бы жатву поскорей и подешевле провести. Идет Понтей по селу, о жатве думает. Навстречу мужик:

— Что головушку повесил, Понтей?

— Да как тут не повесишь?! — воскликнул Понтей и поведал о своей печали.

Мужик успокаивает его:

— Ну, эту печаль можно и обойти.

— С какой стороны-то?

— Лунсö колö нюжöтны.

— Кыдз этö?

— А вот кыз. Босът кузьжык шатин, кышав сы вылö ухват да и пык шондисö, көр сия лэбтисьны пондас. Вот и нюжөтан лунсö.

— Эн жö бөбөтчы!

— Ме пыр сідз кера. Пондыв-ко, сыбöрын спасибо меным висьталан.

Понтей сідз и керис: нуötис вундиссесö ыб вылö, ачыс кайис медыджыт пожум йылö да пыкөталіс шондисö. Видзö сійö, медбы жагөнжык лэбтисис, а помечыс нявскö-вундö.

Сідз час пыкö, мөдікö, куимөтö, а помечыс вундö!

То павжнайтісö ни вундиссес, а Понтей кисис пыкөтсö эз лэдзлы. И ачыс ни казяліс, что луныс бура нюжаліс, что сюыс уна ни вундиссис. Коліс бы эшö пыкөв-керны, да мылаыс бырис, и Понтей лэдзчис пу вылісь да нуötіс помечанасö гортас.

Мунö и ошкö асьсö: «Ай да ме, кужи керны!»

— Надо день растянуть.

— Как это?

— А вот как. Возьми шест подлиннее, насади на него ухват да подпирай солнце, когда оно подниматься начнет. Вот и растянешь день.

— Не ври уж!

— Я сам так делаю. Попробуй-ка, потом спасибо мне скажешь.

Понтей так и сделал: увел жнецов в поле, сам залез на самую высокую сосну и стал подпирать солнце, чтобы оно медленней поднималось. Придерживает его, а жнецы жнут.

Час осаждают, второй, третий, а народ серпами знай орудует.

Вот уже и пообедали жнецы, а Понтей из рук не выпускал шеста. И уже сам видит, что день заметно длинней стал, что уже много ржи сжато.

Надо было бы еще попридерживать солнце, да вконец из сил выбился. И слез Понтей с дерева да увел работников домой. Идет и похваляется: «Ай да я! Ловко сработал!»

Кыз вөралісьӧс кӧч велӧтіс

Оліс-вӧліс да отир коласын сорласис и богат-сявны тэрмасис вӧралісь Епа. И юан-сӧяныс эз вӧв, а тшыгйӧн эз кув, паськӧмыс ӧтік вежлас вӧлі, а пасьтӧг эз пукав гор вылас.

Старуха горт гӧгӧрас видзӧтӧ-лӧсьӧтӧ, ойлунсӧ джендӧтӧ, а Епа прокод вӧрсӧ меряйтӧ, нинкӧм-мез бырӧтӧ да остатки паськӧмсӧ лэдзӧ. Вӧвлі, кӧр туанӧс вяс, кӧр сьӧлаӧс кыяс, а кӧр и коккесӧ весись нӧитас.

Муніс ӧтпыр кӧчавны, джын лымсӧ вӧрсис талис да весь: и шырӧс эз пантав.

Бергӧтіс лямпаэсӧ гортланяс, а паныт кӧч кресь

Как охотника заяц проучил

Жил-был, среди людей путался да разбогатеть торопился охотник Епа. И питья-еды у него не было, а с голоду не умер. Одежды всего одна перемена была — голым на печи не сидел.

Старуха вокруг дома смотрела, порядок наводила да время коротала, а Епа лесные дороги мерил, лапти изнашивал да остатки одежды рвал. Бывало, когда куницу убьет, когда рябчика изловит, а когда и ноги понапрасну намнет.

Пошел он однажды на зайцев, пол-леса исходил да напрасно: и мышку не встретил.

Повернул лыжи к дому, а навстречу — заяц,

только петіс, чуть оча кымос эз тапкисьо.

Лосьотіс пишальсö Епа, мөдіс пезьдөтны кузь пельыс кузя, а сія и горөтчис морт моз:

— Эн тэрмась, Епа, менө вийны. Перво кывзы, мый ме висьтала.

Епа синнэсö барөтис: чудо вөвлытөм да и только. Ассис вексö ни джендөтö, а эттшөмсö эз на адззывлы.

А көч пуксис мырок вылө, коксö кок вылас пуктис да и бобгö:

— Көр виан менө, сэк то кыз кер. Кучиксö кульыштан да купецлö вузалан. Шедтөм деньга вылас козапийнөс босьтан. Быдтан сійö — кык пиянок ваяс.

Епа пеллесö өшөтис да кывзö. Пишальсö му вылас сувтөтис. «То эд, — думайтö, — кытөн счастьеё вөлөма. И йөлокыс лоас, и пияноккесö вузала».

А көч, бытьтö Епаыс жö тёщаыс ордын гөститтөн, койö, богатсьөтö бы вөралісьсö.

— Вузалан нійö — порсёк небан. Быдтан сійö — дас дзуток ваяс. Вузалан нійö — бөра деньга шедтан да куканёк небан. Быдмас куканьыс — мөс лоас, паськыт мороса порозөс сетас. Тэ сійö вөв вылө вежан, а сэтчö и вөлокыт чанялас.

Бергөтчис Епалөн юрыс сэтшөм богатствосьянь, мужиклө не көч дорөдз лоис. Адззö ни сія, кыз гөняйтö-бодритö лысанөй мерин вылын. Да мый мериньыс! Сивөй, лөз печата рысак вылын! А мысок вылас кыксувда керку бельялө. Пырö Епа гортас, иньыс шоньыт ырөш вайö, тагьяö да быгьяö,

едва лбами не стукнулись.

Вскинул Епа ружье, собрался курок спустить, а длинноухий заговорил по-человечьи:

— Не торопись, Епа, меня убивать. Сначала выслушай, что я скажу.

Епа глаза выкатил. Небывалое чудо да и только. Век свой прожил, а такого еще не видывал.

А заяц сел на пенек, ножку на ножку положил да и забобошил:

— Когда убьешь меня, то сделай так. Шкуру сдери да купцу продай. На вырученные деньги козленка купи. Вырастишь козу — двух козляток принесет.

Епа уши развесил да слушает. Ружье на землю поставил. «Вот ведь, — думает, — где счастье-то. И молочко будет, и козлят продам».

А заяц, как и Епа у тещи в гостях, разошелся, обещает богатство Епе:

— Продашь козлят, поросенка купишь. Вырастишь его — десять поросят принесет. Продашь поросят — опять деньги будут. На них теленка купишь. Вырастет теленок — корова будет, широкогрудого бычка тебе даст. Ты его на лошадь променяй, а тут и лошадка жеребенка даст.

Закружилась у Епы голова от такого богатства, не до зайца стало. Вот представляет себе, как едет на мерине с лысинкой. Да что там мерин! На сивом в яблоках рысаке! А на мысу двухэтажный дом белеется. Заходит Епа в избу, жена теплой браги подносит, хмельной да пенистой, на стол мясные щи ставит да мягкий каравай режет.

пызан вылӧ яя шыд сувтӧтӧ да небыт каравай шӧралӧ.

А иньыслӧ Епа дона козин козыналӧ — кумачовӧй кофта да сатиновӧй сарафан. А сыбӧрын...
«Да ладно, ужо вия кӧчсӧ...»

Дзар керис Епа, а кузь пельлӧн и дукуыс абу: пышшис и быдӧс богатствосӧ Епалісь нуӧтіс.

**А Епа жене дорогие подарки дарит — кумачо-
вую кофту да сатиновый сарафан. А после этого...
«Да ладно, ужо убью зайца».**

**Оглянулся Епа, а зайца и след простыл: убежал
и все богатство Епы с собой унес.**

Донтöмик пятаккез

Паськыт миян Иньвадорным, дак сэтөн берся-ыс пантасьлö. Мунö кызкö посадöt вузасись, пустöй коробьяөн ни, товартöг. Бура вузасьöма сiя, деньгаыс көшельтыр öксьöма, да чисто меднöй — нысянь спина кöстисьö. И думайтiс вузасись медьсö серебро вылö вежны. Вот и ряксö:

— Локтö, кинлөн серебро эм! Босьтасьö!

— Мый вузалан? — юасьö барыня.

— Пятаккез, — висьталö вузасись.

— Донөн я?

— Гривенник вылö кык пятак сета.

«Видзöt, кытшöм донтöма: öтик вылö кыкö сетö!» — думайтас барыня и кыскас гривенниккесö.

Дешевые пятаки

Широк наш иньвенский край, всякое в нем случается. Шел как-то по селу коробейник, уже с пустым коробком. Прибыльно поторговал он и денег кошель набрал, да все медные — от их тяжести хребет гнется. И надумал коробейник обменять медь на серебро. Вот и кричит:

— Подходи, у кого серебро водится. Налетай!

— Чем торгуешь?! — спрашивает барыня.

— Пятаки продаю, — отвечает коробейник.

— Почему?

— За гривенник два пятака даю.

«Смотри, как дешево: за одну две дает!» — подумала барыня и достала свои гривенники.

Атрапей

Локтö гортас солдат. Служитöма сiя царьлö уна год, а эта понда сьлö сетöмась кык тыква: кöть сей нийö, кöть вузав, а гортö ловья да дзонь лок. Мунас, мунас — аслас музöдз локтас. Но гортöдззас эшö вель ылын.

Кынöмыс солдатлөн сималö, а тыквазсö абу охота сейны. И кежас сiя посадö, керкуö пырас, тыквазсö гöбечö лэбтас. Кыласö отир, что посадö солдат локтiс да мыйкö свиттяланаö вайис, ва-нырөн уськötчасö видзötны.

Видзötöны, дивуйтчöны: мыйез пö сэтшöммес эна солдатыслөн?

Трофеи

Возвращался с царской службы солдат. Служил он долго, а заслужил две тыквы: хочешь — ешь, хочешь — продай, а домой жив-здоров явись. Топал, топал солдат — в свои края притопал. Но до родного дома еще не близко...

Проголодался солдат, а тыквы не хочет есть. И зашел он в избу, тыквы на голбец выставил.

Узнал народ, что в посаде солдат появился, да еще с какими-то блестящими штуками, — валом повалил на служивого посмотреть.

Смотрят и удивляются: что же это такое у солдата?

Медбы солдатыс чоужыка висьтасис
төдтөмторыс йылысь, посадшана бурмөтасө сылысь
сьөлөмсө: и вердасө, и тагья ырөшөн юкталасө, и
вина удасө. Сэк и висьталас солдатыс:

— Эта — атрапей.

— Воно тай мый сия, — шуоны йөзыс. — Дак эд
сия зэв нө ни бур...

— А кыз инө, — öйөтө нийө солдат, — саридз
сайись эд!

— Дак эд дона сэки?

— А кыз инө! Шуоны — атрапей! Кин төдө,
мый сия сэтшөмыс, и червонец сетас.

Посадын сэтшөм порядок: кин мый кылас, сэк
жө и соседө котөртө. Сідз и эстөн петас: эз на ешты
солдат «трофей» йылысь юөртны, кыз керкуас усь-
көтчас поп и порог дорсянь горөтас:

— Ме кыкнан атрапейсө босьта!

Чтобы солдат скорее рассказал о своей диковинке, селяне решили его задобрить: и накормили, и хмельной бражкой угостили, и чарку вина поднесли.

И тогда служивый сказал:

— Это атрапея.

— Вон оно что! — ахают селяне. — Дак ить тогды добрая штука она...

— А как же, — вторит им солдат, — заморская!

— Дак ить дорогая тогда?

— А как же! Сказано — атрапея! Кто разбирается в ней — червонца не пожалеет.

В селе такой порядок: услышат новость — бегут к соседям. Так и здесь вышло: не успел солдат о «трофеях» поведать, как в избу влетает поп и с порога кричит:

— Я обе атрапеи беру!

Кызд сёйис, сідз и уджаліс

Ўтік богатой приходын вөлі надз поп. Работниксө пемытсынь пемытөдз уджөтис, а вердіс өтпырись луннас. Работник мырсис, мырсис да и муніс сы дынісь. Поп мөдік работникс медаліс.

Вот кызкө одзся-одз поп саймөтас работниксө и тшөктө:

— Ветлы-ко, мужик, турунла да эн манитчы, чожа берт. Сыбөрын мельницаө мунап.

— Мыйкө бы сёйыштны, — корө работникы. — Тшыгувья, батюшко, умөля уджассьө.

— Ся-ту сідз, да няныс эшө узьө! Мун. Локтан да вөлись и сёян.

Как ел, так и работал

В одном богатом приходе был скупой поп, работника своего дотемна заставлял работать, а кормил раз в день. Работник мучился, мучился и ушел от попа. Поп другого нанял.

Вот как-то утром рано-рано будит поп работника и наказывает ему:

— Съезди-ка, мужик, за сеном, да не мешкай, быстрее приезжай. Потом на мельницу поедешь.

— Поесть бы надо, батюшка, — просит работник. — Неевши-то плохо работать.

— Это так, да хлеб еще спит. Иди. Приедешь — потом поешь.

Но ладно, вѳлись дак вѳлись. Доддялас ра-
ботник вѳв, мунас звонарь дынѳ да водас узыны.
Югдандорас саймас и поп ордѳ просто локтѳ.

— Но мый, вайин турунсѳ? — юалѳ попыс.

Работник гыж-гыж керас юрбѳрсѳ да висьта-
лас:

— Вот эд кыз, батюшко, аркмис: зородыс сѳ
эшѳ узыѳ.

Ну ладно, потом так потом. Запряг работник лошадь, поехал к звонарю и завалился спать.

Чуть свет пошел к попу.

— Ну что, привез сено? — спрашивает поп.

Почесал работник в затылке:

— Вот ведь как, батюшка, случилось: стог-то все еще спит.

Нёль вон да пишаль

Кытёнкё вөр коласас нёль вон оласö — кайсö да зверьсö кыясö. Пишаллез нылён абу вёлөмась, и ния пишальсö оз и тödö, мымда разь медыджыт вонныс кытиськё адззыліс.

Отпыр Кама дорись адззасö пишаль да порох и мөдасö лыйны ошöс.

Вот пондасö зарядитны пишальсö, а мымда порохсö босьтны, некин оз тöd.

Пöрисьжык вонныс и шуö:

— Ноко, перво джын мерка кисьтам да пешлам, кызд лыяс пишальыс, а вöлись ошыс понда зарядалам.

Четверо братьев и ружье

В какой-то глуши четыре брата жили — птицу и зверя промышляли. Ружей у них не было, они и не знали о них, только старший брат разве где-то видел.

Однажды на берегу Камы братья нашли ружье и порох и решили идти на медведя.

Вот стали заряжать ружье, а сколько пороху взять, никто не знает.

Старший брат и говорит:

— Давай-ка сперва полмерки возьмем и попробуем, как ружье стрельнет, а тожно на медведя забьем.

Но, кисьтасö порошоксö джын мерка, пуктасö дробь, пыжаласö.

Пöрисьжык вонныс мөдас öтнас пишальсö пешлыны, а мөддэс шуöны:

— Ми бы тожö лыямö.

Байтчасö-керасö и сідз шуасö: лыйны быдөнныслö öтлаын.

И вот öтiк кутчисяс приклад бердö, мөдiк — сы одзö, куимöтыс — дуло дынас, а нельöтыслö кутчисьны некытчö. Сiя оз понды ыксыны-корсьыны, только шуас:

— А ме видзöта, кызд дробыс пондас петны.

Воннэс ошкасö сiйö:

— Видзöt, зонка, видзöt.

Пезьдасö куроксö — буз! — и медучöt вонныс тарöвтчас му вылас.

А воннэс ыксöны сьлö:

— Эн на чеччы, зонка, поди, ишшо бузгас!

Ну и взяли пороху полмерки, насыпали дробь, пыжами забили.

Хотел было старший брат один попробовать ружье, но младшие запротестовали:

— Мы тоже хотим выстрелить.

Потолковали, пошумели и так порешили: всем вместе, разом стрелять.

Один брат за приклад взялся, другой перед прикладом встал, третьему досталось дуло, а четвертому не за что братья. Он не стал шуметь, только сказал:

— А я посмотрю, как дробь будет вылетать.

Братья похвалили его:

— Смотри, парень, смотри.

Спустили курок — бабах! — и младший брат упал на землю.

А братья кричат:

— Не вставай покуда, парень, еще, поди, лабызнет!

Ма кошшись

Гөтралёны том зонкаёс.

Чулаліс пир, и, кызд керсьо коми йёз коласын, томмесё пондісё водтётны джоджулө.

Вежай джоджулас пыртіс перина да ольсалис мұдьот вылө. Матша пыртіс юрөдз да шебрас. Вежай пыртіс жөниксё, водтөтіс и висьталіс:

— Көр вайөтасё бокат невестасё, тэ сэк жө и понды кошшыны масё. Вежөртін? Көда оз кошшись, сійө иньыс оз любит.

— Вежөрті, вежай, сідз и кера.

Вежай петіс джоджувсис, и матша пыртіс невестасё, водтөтіс и шебралікас шөраныс пуктіс оча

Искатель меда

Женили молодого парня.

Кончился свадебный пир, и, как повелось у коми-пермяков, молодых стали укладывать в подполье.

Крестный затащил в подпол перину и постелил на завалинке. Крестная занесла подушку и одеяло. Крестный завел в подпол жениха и наставил:

— Когда рядом с тобой положат невесту, ты сразу же принимайся за поиски «меда». Понял? Кто не ищет, того жена не любит.

— Понял, крестный, так и сделаю.

Крестный вышел из подполья, и крестная

домалом аканнез, висьталіс невесталё:

— Кыдз зна аканнес керсьомась, сідз и тійо керсьо, и мед лоас этадз быд ой.

Петіс матша джоджулісь, тасаліс западнясё, сьылыштіс гажон:

Слава тэныт, Енөй,
Слава тэныт, Енөй —
Савкасё гётралім,
Джоджулё пөдналім...

А Савка джоджувсяняс лёк горшон горөтө да западнясё тшөктө осьтны.

— Мый лоис? Кытшөм кимөсь аркмис? — чепөссисё вежай да матша и осьтісё ыбөссө.

Савка мыччис юрсө да нюжөтөм кизсө и горөтчис:

— Адззи, вежай, адззи! То маыс!

Видзөтөны: сы кыин торк коколь, коколяс ма поз, а Савкалөн чужөмыс быдөс пыктөма, дзик барабан лоөма.

Но и чөскыт сөйись!

повела невесту к жениху, уложила ее и, укрывая молодых, положила меж ними двух куколок, связанных нитками, пожелала:

— Как эти куколки друг к дружке приникли, так и вы прижмитесь, и пусть такое будет во все ночи.

Вышла она из подполья, подперла западню, весело пропела:

Слава тебе, Боже,
Слава тебе, Боже —
Савку оженили,
В подполье положили...

А Савка тут же и завопил, западню велит открывать.

— Что случилось? Какая морока вышла? — вскочили крестный с крестною и открыли западненку.

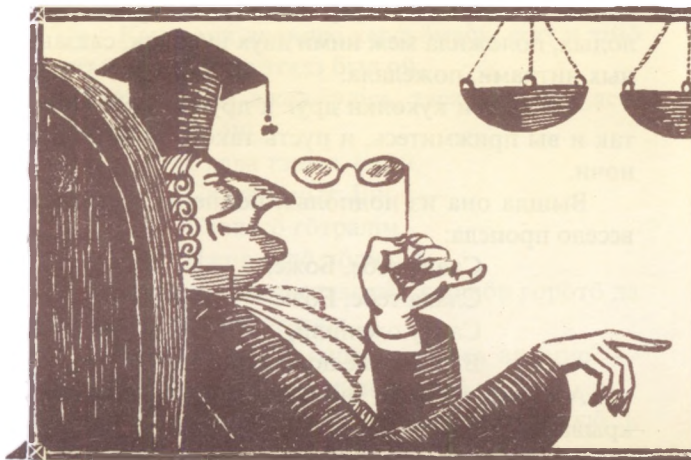
Высунулся Савка из подполья, руки протянул и сказал:

— Нашел, крестный, нашел! Вот он, мед-то!

Смотрят: в его горсти кусок пакли, в ней шмелиное гнездо, а лицо жениха распухло, как барабан.

Ну и сладкоежка!

Ылөса солдатка

Олас-вөлас солдатка.

Жөникыс армияын служитө, а сiя аньйөзайкөт олө. Ичмонька ыджыт мыгөра, вына, мужик моз уджалө. И не мукөд кодь: йөзө кокөн оз тальччы, рытөн ворота сайө оз пет.

Но кызкө аньыс казялас, что ичмоньлөн кынөм быдмө, и ножө чижьявны-видчыны:

— Мужикыт надейтчө тэ вылө, а тэ ветлөтны лэдзчисин?! Рожа кулись!

Ичмонька дорйө асьсө:

— Ме эг ветлөт, ачыт төдан: пыр тэкөт.

— А кысь нө кынөмтө адззин?

Догадливая солдатка

Жила-была солдатка.

Муж в армии служит, а она с его родителями живет. Молодуха ростом высокая, сильная, в работе мужику не уступит. И не такая, как некоторые: на гулянку — ни ногой, вечером за ворота не выйдет. Но вот свекровь заметила, что у молодухи живот растет, и крик подняла:

— Муж надеется на твою верность, а ты распутничать?! Позорница этакая!

Молодуха защищается:

— Я не распутная. Сама знаешь, всегда при тебе.

— Ӧпыр и шедлі — стын бердӧ мужик жмитліс,
и ме эг вермы мездісьны... Выннас босьтіс.

— Сэки судӧ лэдз!

Керны нем, солдатка лэдзас судӧ.

Судья одзӧ сувтӧтісӧ кык мортӧс: солдаткасӧ
да насильниксӧ. Солдатка кузь мыгӧра, а мужичо-
кыт — аршинок да джынок.

Судья юалӧ солдаткалісь:

— Мужичокыс эта бӧбаліс?

— Сія.

— Сувтсӧн?

— Ну.

— Ме ог вежӧрт, — шуӧ судья, — кызз сія су-
дзис?

Солдатка шуӧ:

— А мыля оз — ме эд лажмӧтчышти...

Вот ылӧса морт!

— А откуда живот?

— Лишь разочек попадала — мужик к забору зажал, и я не смогла отбиться... Силой взял.

— Тогда в суд подавай!

Делать нечего, пришлось солдатке судиться.

Перед судьей предстали двое: солдатка и насильник. Солдатка длинная, а мужичок — аршин с половинкой.

Судья спрашивает солдатку:

— Мужичок-то этот баловался?

— Этот.

— Стоя?

— Да.

— Я одно не пойму, — говорит судья, — как он дотянулся?

Солдатка в ответ:

— Почему как — я же присела...

Умница!

Кыз мужик дзодзоггезёс юкаліс

Отік бедной мортлө эз тырмы виль урожайодз нянь, и решитіс сія одзөстны баринлісь.

Начкыліс мужик дзодзогёс, жаритіс сійё да нөбөтіс баринлө.

Барин босьтіс дзодзогсё и шуё: «Спасибо дзодзогыт понда, но ме ог куж юкавны сійё: менам инь, кык зон и кык ныв».

Мужик и шуё: «Ме юкала тiянлө бытшөмика».

Босьтіс мужик пурт, орөтіс дзодзогыслісь юрсө, сетіс бариныслө и шуё: «Тэ, барин, керкуын юр, сійөн тэныт сета юрсө».

Орөтіс дзодзог бөжсё, нюжөтіс барынялө:

Как мужик гусей делил

Одному бедному мужику не хватило до нового урожая хлеба, и решил тогда он занять хлеба у барина.

Зарезал мужик гуся, зажарил его и понес барину.

Барин взял гуся и говорит: «Спасибо тебе за гуся, только не знаю я, как его разделить. У меня есть жена, два сына и две дочери».

Мужик говорит: «Я вам разделю».

Взял он нож, отрезал гусиную голову и дал барину со словами: «Ты, барин, в доме голова, потому получай голову».

«Тэныт семьяын бергавны, гортын пукавны, бөжсө босьт».

Коккез зоннэслө сетіс: «Тіянлө коккез, айныт туй кузя мунны».

Ныввеслө борддэз мыччис: «Тіянлө чожа лэбзыны гортісь, босьтө борддэз. А мый кольччис, дак ме аслым босьта». И босьтіс аслыс дзодзог тушасө.

Шыннөвтіс барин и сетіс мужиклө нянь да деньга.

Кыліс богатой мужик, что беднойыслө барин сетөма деньга да нянь, начкыліс вит дзодзог, жаритіс нійө и вайис бариныслө. Только янсөтны оз вермы сідз, кызд мөдыс янсөтіс.

Ыстіс барин бедной мужик дынө.

Локтіс бедной мужик и пондіс дзодзоггесө юкавны.

Отік дзодзог барин гозьялө сетіс и шуө: «Өні тійө дзодзогыскөт куимөн». Мөдікө зоннэслө пунктіс и шуө: «И тійө өні куимөн». Куимөт дзодзог сетіс ныввеслө и шуө: «И тійө куимөн лоитө». Аслыс мужик кык дзодзог коліс ла висьталіс: «И мийө өні куимөн».

А мый, не сідз разь?

Вот сія и эм!

Отделил от тушки гузку, поднес барыне: «Тебе присматривать за семьей, дома сидеть, получай хвост».

Ноги дал сыновьям: «Вам ноги — идти по дорогам отца».

Дочерям дал крылья: «Вам скоро улетать из дому, вот вам крылья. А то, что осталось, так я себе возьму». И взял себе гусиную тушку.

Заулыбался барин и дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин дал бедняку хлеба и денег, зарезал пять гусей, зажарил их и отнес барину. Только не смог разделить гусей так, как разделил бедный.

Отправил барин за бедняком.

Пришел бедный мужик и начал гусей делить.

Одну тушку дал барину с женой: «Теперь вас с гусем трое». Второго гуся дал сыновьям и вымолвил: «И вас сейчас трое». Третьей тушкой оделил дочерей: «И вас с гусем стало трое». Себе мужик двух гусей взял и сказал: «И нас теперь трое».

А что, разве не так?

То-то и оно!

Сивйын торшеньён

Старик ветлёма изны и вайё сивьяс ыджыт торшень.

«Көть бы вёлён вөтисё да пуксьөтисё, — думайтё. — Этадз ныр вылө усян».

Вөтисё доддя вёлён, и мужик корсьө:

— Кыскё жё гортөдз, отир. Садьё дук ни абу.

— Съөкытөв лоас вёлыслө, торшеньыт вон мый ыжда! Көбы асьтё только, дак эшö позис... Съөкыт торшеньыт!

— Дақ торшеньсö ме доддяныт ог пукты, сивьям видза.

— Но пуксы сэки...

С мешком на загривке

Старик идет с мельницы и тащит на плече мешок с мукой.

«Хоть бы подвода подвернулась, и подвезли бы меня, — думает. — Этак с ног свалишься».

Догнала подвода, старик просится:

— Подвезите, люди, до дому! Из сил выбился.

— Лошади тяжело будет, у тебя мешок большущий!.. Самого-то посадили бы. А так — мешок тяжелый.

— Я его не положу на воз, на загривке буду держать.

— Тогда садись.

Неколан етшасьом

Ветлөгасё кортён старик да старуха. Мунёны деревняёт и сёрнитёны:

— Пырам эта керкуё, старуха.

— Пырам, старик, пырам!

— Да йёв корам.

— Корам, старик, корам!

— Да и юыштам кружка понись.

— Огё юё, старик, крөшिताм нянь да сідз сёям.

И пондасё етшасьны. Старик — юыштам пё, старуха — крөшिताм.

Лөгасяс старик:

— Ак тэ, пёрись рака! Тшыкётан эд йёвсё:

Напрасный спор

Старик со старухой по деревне ходили — милостыню собирали. Идут и толкуют:

— Зайдем в этот дом, старуха.

— Зайдем, старик, зайдем!

— И молока попросим.

— Попросим, старик, попросим!

— Да и выпьем из кружечки.

— Нет, старик, тюрю сделаем!

И заспорили. Старик — свое, а старуха — свое.

Рассердился старик:

— Ах ты, старая карга! Испортишь ведь моло-

крёшитом няньсяняс шоммас! — и кутас старухасо
бедьнас воззыны! Кыдз вачкас, сидз и висьтало:
«Эн крёшит, эн шоммот! Эн крёшит, эн шоммот!»

Кылас ыксомсо керкусис хозяиныс, петас
оторас да юало:

— Мыля тышкасян, старик?

А сия шуо:

— Ме висьтала: кружкаись юам йовсо, а сия —
нянь крёшитам.

— А кытён йовныт?

— Тэнчит тай модім корны.

— Мый ті! Менам мосокө гожумнас йы выло
чашкаліс...

ко-то: скиснет! — и давай старуху батожком обхаживать. Стукнет, скажет: «Не кроши, не порти! Не кроши, не порти!»

Услыхал шум хозяин дома, вышел на улицу и спрашивает:

— Что ты дерешься, старик?

А тот в ответ:

— Я говорю: из кружки выпьем молока-то, а она — тюрю сделаем.

— А где молоко?

— У тебя хотели выпросить.

— Что вы! Моя корова летом на льду поскользнулась да и пропала.

Комиён буржык

Пукалёны вөраліссез — ая-зона — бипур до-
рын, шонтісьёны да шоччисьёны.

Зоныс и шуё:

— Пондам, тятю, рочён баитны.

— Байтам инё, — шуё айыс. — А мый йылісь?

— Мый син вылө усяс.

— Сэки пондөт.

Вот зоныс и шуё рочён:

— Тятюн, зипунко-от горун!

Айыс зоныслө тожө рочён:

— Ванька, вап-вап-те надо гасать!

Эзö вежөртö öтамөднысö, айыс и юалö:

По-пермяцки лучше

Сидят охотники — отец с сыном — у костра, отдыхают и греются.

Сын предлагает:

— Давай, тятка, по-русски баять.

— Побаем ино, — соглашается отец. — А про чо?

— Чо на глаза падет.

— Толды начинай.

Вот сын говорит по-русски:

— Тятюн, зипунко-от горун!

Отец сыну тоже по-русски:

— Ванька, вап-вап-те надо гасать!

— Тэ мый висьталін, Ванька?

— Шуй: зипуныт сотчө... А тэ мый?

Айыс висьталө:

— Нинкөмметө, мыся, кусөтны колө.

Кусөтасө сотчан нинкөм-зипуннысө да и
шуасө:

— Огө пондө рочөн, комиён буржык баитны.

Не поняли они друг друга: отец и спрашивает:

— Ты чо сказал, Ванька?

— Сказал: зипун-от горит. А ты чо?

Отец отвечает:

— Лапти-то, баю, гасить надо.

Погасили тлеющие лапти и зипун, сказали:

— Не будем по-русски-то, по-пермяцки лучше баять.

Том, дак том

Старик пантасьö бы том дöвакөт. Дöва шуö сылö:

— Көр ме куканьсö понда йөртны, тэ лок миянö да гидокас пыр. Ме сэтчин лоа.

Баитчасö да и янсөтчасö. А дöва старикыс инь дынö котрасяс да сийö ас туяс гидокас йөртас и вöлись горөтлö:

— Тпрутя, тпрутя! Котөрт ме дынö!

Старик кыш-паш локтыштас дöва ордö да — гидокö...

Мый сэтчин шогмис, ми огö тöдö, но старикыс гидоксис петикö шуис:

— Том, дак том жö и эм!

Молодая, так молодая

Старик пристаёт к молодой вдове. Вдова говорит ему:

— Приходи, когда буду теленка закрывать, и заходи в хлевушок. Я там буду.

Договорились и разошлись. А вдова подговорила старикову жену, привела ее, закрыла в хлевушке и закричала:

— Тпрути, тпрути! Беги ко мне!

Прибежал старик на вдовый двор, сиганул в хлевушок...

Что там было, мы не знаем, но старик, выходя из хлевушка, сказал:

— Вот молодая, так молодая.

СОДЕРЖАННЁ

6	Быллез-бөбөтчөммез...
8	Кыз Овдя пиканалис
12	Ошис чер
16	Зимогор
22	Дыш Олёнка
26	Вежсьём-пансьём
32	«Ёгортан-курөтан...»
38	Асныррез
42	Богатой корасись
46	Коми поп да роч поп
50	Мөдик Кудымкар
54	Ошынока пу
58	Опонь да барин
62	Некывзись сапоггез
66	Потя да Потика
70	Көмкөт вылө бөбасис
74	Кинкө мыргө
78	Юкмөсын тэсь
82	Гузи да Мези
86	Енлөн козин
90	«Сидз сылө и колө!»
94	Ай, зоннэз да чань
96	Дзырыт пельняннез
100	«Кеж, будичи!..»
104	Висьталіс думайтөмөн
108	Понтейлөн кузь лун
112	Кыз вөралісьөс көч велөтіс
118	Донтөмик пятаккез
120	Атрапей
124	Кыз сөйис, сидз и уджаліс
128	Нель вон да пишаль

СОДЕРЖАНИЕ

7	Были-небылицы...
9	Как Овдя пиканы собирала
13	Пропал топор
17	Зимогор
23	Ленивая Оленушка
27	Мена
33	«Ковалей для граблей...»
39	Упрямые
43	Богатый сватовщик
47	Поп-пермяк и русский поп
51	Второй Кудымкар
55	Дерево с оконцем
59	Опонь и барин
63	Непослушные сапоги
67	Потя и Потиха
71	Позарился на обутки
75	Кто-то мяргает
79	Толокно в проруби
83	Гузи и Мези
87	Божий дар
91	«Так ей и надо!»
95	Отец, сыновья и жеребенок
97	Горячие пельмени
101	«Посторонись, буди!..»
105	Сказал подумавши
109	Длинный день Понтея
113	Как охотника заяц проучил
119	Дешевые пятаки
121	Трофеи
125	Как ел, так и работал
129	Четверо братьев и ружье

- 132 Ма кошшись
136 Ылӧса солдатка
140 Кыдз мужик дзодзогтезӧс юкаліс
144 Сивйын торшеньӧн
146 Неколан етшасьӧм
150 Комиӧн буржык
154 Том, дак том

133	Искатель меда
137	Догадливая солдатка
141	Как мужик гусей делил
145	С мешком на заливке
147	Напрасный спор
151	По-пермяцки лучше
155	Молодая, так молодая

Литературно-художественное издание

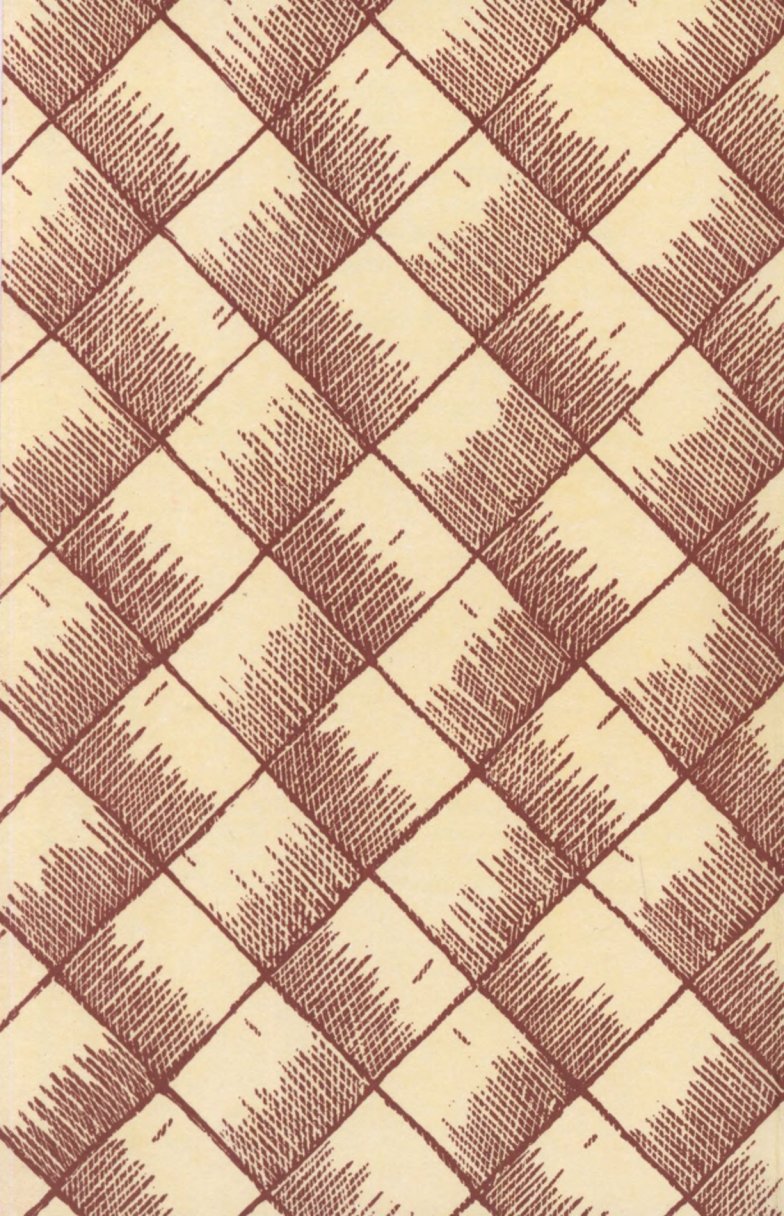
ДЕРЕВО С ОКОНЦЕМ

**Были-небылицы на коми-пермяцком
и русском языках**

Составитель **В. В. Климов**
Художник **А. В. Мошев**

Редактор *В. Коколева*, техн. и худ. редактор
Н. Новикова, корректор *В. Бормотова*, набор
Г. Кочубейник, верстка *И. Артёмова*

Сдано в набор 5.02.2001. Подписано к печати 2.04.03
Формат 70x90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип
Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт.
17,8. Уч.-изд. л. 5,03. Заказ № 442. Тираж 2000 экз.

100-00

